

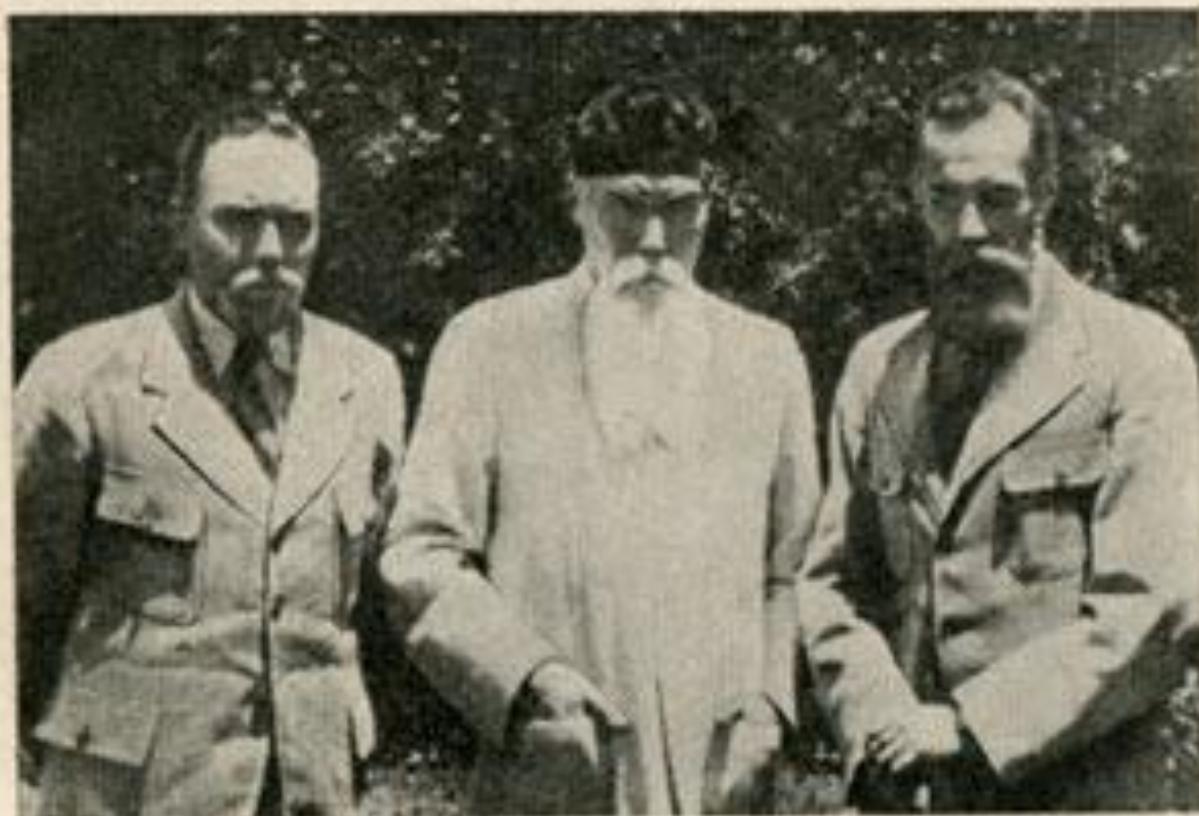
БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 44 1984

Татьяна КАЛУГИНА

ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Татьяна Калугина Пути восхождения

Прекрасное — действенно (Интервью со Святославом Рерихом)

«Красота спасет мир», — сказал Достоевский. Я бы добавил к этому — **сознание** красоты спасет. Лишь осознанная красота преобразует наши мысли, а прекрасные мысли преобразуют нашу жизнь...

Такими словами начал беседу Святослав Николаевич Рерих, когда мы встретились с ним и его женой, г-жой Девикой Рани Рерих, на второй день пребывания их в Москве¹. И эти слова послужили лейтмотивом нашего продолжительного разговора о сущности эстетического и этического воспитания, о действенной силе прекрасного в становлении цельного, гармоничного человека.

...Это был летний вечер первого июня. Светило мягкое заходящее солнце. Шум города не доносился на четырнадцатый этаж гостиницы «Россия», где остановились Рерихи. На круглом столе, у которого мы расположились, стоял букет распустившихся тюльпанов. Во всем ощущались покой и та особенная сосредоточенная тишина, которая так располагает к задушевной беседе.

— Святослав Николаевич, скажите, пожалуйста, какой смысл вкладываете вы в понятие «красота»?

С. Н.: Красота — это присущее бытию стремление к совершенствованию, которое вложено в нас самой природой. Мне не раз приходилось в моих путешествиях встречаться с особыми, я бы сказал, феноменальными, проявлениями природы. Так, в Гвинее я наблюдал изумительных птиц, которые настолько совершеннее и прекраснее всего окружающего, что местные жители называют их «выходцами из рая». Действительно, они производят впечатление обитателей какого-то иного, завершенного в своем развитии мира. Но красота, как и всякое эволюционное явление, не имеет завершения. Ее как бы идеальные образцы в бесконечном многообразии мироздания привлекают наше внимание и заставляют задуматься о заложенных в нас самих стимулах к совершенствованию. Важно не только любоваться прекрасным, важно понять, что сопутствует его достижению. Природа стремится выразить себя более совершенно. И человек, конечно, не исключение. Вот почему необходимо с самого раннего возраста привлекать внимание детей к особым приметам красоты, которые нас окружают.

— Святослав Николаевич, вы коснулись самого важного: я хотела поговорить с вами именно о детях, о воспитании в них чувства прекрасного. Это тем более кстати, что сегодня первое июня, Международный день защиты детей. Могли бы вы поделиться своими мыслями об эстетическом и этическом воспитании?

С. Н.: Я могу сказать, что всего лишь несколько дней тому назад мы были в Болгарии, и нас познакомили там с работой недавно созданной Школы эстетического воспитания, в которой детей обучают буквально всему — и музыке, и ритму, и рисованию, и лепке. Мы провели у них целое утро, я рассказывал им об Индии, а дети делились со мной своими мыслями и впечатлениями. Должен признаться, они меня очень порадовали, я заметил, что им привито чувство внутренней дисциплины. Они проявляли ту особую сосредоточенность, без которой не может быть настоящего творческого процесса. Да, это уже сознательные маленькие работники, и это тем более важно, что до семи лет дети особенно восприимчивы, первые яркие впечатления откладываются в памяти на всю жизнь, во многом определяя дальнейшее развитие.

— А как вы смотрите на эстетическое и этическое воспитание подростков? Как помочь им не растерять тот эмоциональный запас впечатлений, которые они получили в детстве? Может быть, следует форсировать роль эстетического воспитания в общеобразовательной школе?

С. Н.: Лучше, конечно, ничего не форсировать — все должно расти органично. Важно понять, что

---

¹ По поводу вручения С. Н. Рериху диплома Почетного члена Академии художеств СССР (июнь 1978 г.).

эстетическое и этическое воспитание должно присутствовать во всем, потому что человек, сознательно или бессознательно, соприкасается со всеми явлениями жизни, которые его окружают. Но только стремление углубиться в смысл этих явлений приведет к осознанию прекрасного. В нашей семье нас с детских лет окружали замечательные произведения искусства, звучала прекрасная музыка. И тем не менее я уверен, что это не оказало бы нужного воздействия, если бы наши родители не учили нас широкому взгляду на жизнь, не воспитывали в нас чувство ответственности за все, что нас окружает. Мы с братом много общались с природой, мы стремились постичь, чем так привлекает нас красота цветка, удивительные формы кристаллов, пение птиц, неповторимые узоры на крыльях бабочек. Во всем этом многообразии, очевидно, есть нечто созвучное нашей человеческой природе. Так мы проникались чувством уважения и, я бы сказал, благоговения ко всему живому. Возможно, именно это научило нас смотреть на нашу планету как на единый дом человечества, который мало просто любить, его необходимо всячески охранять и совершенствовать.

Мне думается, что, говоря об эстетическом и этическом воспитании в школе, мы должны ясно представлять себе образ того более совершенного человека, которому принадлежит будущее. Выявить качества такого человека помогает сама жизнь, те ее преобразования, которые вам, советским людям, особенно очевидны. «Идеал» должен исходить из реальности и опираться на уже достигнутое. Дальнейшее будет зависеть от устремления. Нужно только помнить, что ничто никогда не достигается сразу — во всем развитии наблюдается последовательность, соизмеримость. Ваша молодежь явила много примеров целеустремления. Думаю, она согласится со мной, если я скажу, что преодоление препятствий необходимо для нашего роста. На любое препятствие в жизни нужно смотреть как на заданный урок. Жизнь сложна, и мудрость ее заключается именно в том, чтобы исполнять как можно лучше ту работу, которая стоит перед нами сегодня, в данный момент. И если человек будет каждый день делать свое дело немножко лучше, чем вчера, то он, шаг за шагом, достигнет вершин. Поистине стремление к совершенствованию, к прекрасному — это самое целесообразное, самое реальное отношение к жизни.

— Святослав Николаевич, можем ли мы сказать, что прекрасные произведения искусства играют в нашей жизни роль тех «райских птиц», которые зовут человека на путь совершенствования? Ваши картины производят очень сильное впечатление, и любая их характеристика не обходится без эпитета «прекрасный». Стремитесь ли вы к этому сознательно?

С. Н.: Да, я стараюсь выявить и запечатлеть в своих произведениях черты прекрасного. К сожалению, в жизни есть много негативных сторон, но мы никогда не сможем противостоять им, если в сознании нашем не будет представления о прекрасном. Прекрасные произведения искусства действительны. Выходя из рук творца, они получают самостоятельную жизнь, оказывая влияние на судьбы отдельных людей и целых поколений. Это признак истинно реалистического искусства, и мне хочется сказать, что именно русское искусство всегда было сильно своим реализмом, своим многосторонним соприкосновением с жизнью.

— И последний вопрос. Святослав Николаевич, вы родились и провели юные годы в России. Могли бы вы сказать, как отражаются в вашем искусстве русские, отечественные корни, не подорваны ли они многолетним пребыванием вдали от Родины?

С. Н.: Я говорил уже о значении эстетического и этического воспитания в раннем детском возрасте, когда первые яркие впечатления откладываются в памяти на всю жизнь. Я наблюдаю это на своем собственном жизненном опыте. Вся наша семья неотделима от родной почвы, от русской культуры, от русских достижений. Мы никогда не мыслили себя вне их. Все, чем обогатил я свою жизнь и свое творчество, живя в других странах, есть лишь обогащение моих русских основ. И мое искусство основано прежде всего на русском реализме, о котором я только что упомянул.

Мысли о России всегда ассоциируются у меня с беспредельным простором, который открывает необозримые горизонты и богатые возможности всем советским народам. Именно благодаря этим возможностям народы Советской России шире мыслят, больше воспринимают и дальше видят. Это определено самим ходом истории. Миротлюбивая Россия всегда многое вмещала, не теряя при этом своей самобытности. В этом смысле мне хотелось бы следовать ее пути; отсюда и мое восприятие иноземных культур. Я никогда не боялся общения с другими культурами — это только укрепляло и обогащало заложенные во мне русские основы. В заключение хочу сказать, что ко всему, полученному мной в России и от России, я всегда стремлюсь приобщать Индию, где я живу многие годы, и, с другой стороны, все, что я делаю в Индии, принадлежит моей родине.

Все краски космоса

Весна 1981 года. Двадцатый век, двадцатый год со дня полета в космос первого человека Земли, советского гражданина Юрия Алексеевича Гагарина.

12 апреля 1961 года он записал в своем бортовом журнале: «Лучи просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неопишуемая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха».

И вот спустя двадцать лет в Киеве состоялась международная художественная выставка «Время — Пространство — Человек» и выставка рисунков детей из социалистических стран «Дети рисуют будущее».

Киев, центр Древней Руси, отмечающий свое 1500-летие, раскрыл двери Центрального выставочного павильона юным мечтателям, искателям нового, неизведанного, художникам-фантастам, а также первым советским художникам-космологам 20–50-х годов, не только представителям искусства, но и ученым, конструкторам... Двести работ профессиональных и самодеятельных художников разных поколений и направлений, а также детские рисунки показали развернутую картину процесса «космизации» человеческого сознания.

В этой встрече древнего и юного, вечного и современного видится мудрая закономерность: ведь если вдуматься в процесс освоения человеком космоса, то можно увидеть, что самые «древние» корни космического сознания лежат в нашем детстве — именно там, в стране «синей птицы», впервые учится осваивать пространство своей Вселенной маленький землянин.

Ныне, когда дети Земли с юных лет слышат позывные сигналы из космоса, особенно интересно ощутить связь времен, увидеть нить, соединяющую прошлое и будущее человечества.

Космос вошел в искусство на рубеже XX века как глубокое эмоционально-философское постижение Вселенной в ее реальной беспредельности и многообразии форм проявления. В те годы труды Циолковского и теория относительности Эйнштейна, романы Фламариона, Жюль Верна и Уэллса, творчество М. Чюрлениса и П. Чекрыгина, работы философов помогли человеку нового, XX века осознать нашу планету как частицу Космоса, приблизить Вселенную к Земле, увидеть в зримой форме взаимосвязи, существующие между Землей и дальними мирами.

В двадцатые годы в советской живописи тему космоса плодотворно развивали молодые московские художники — П. Фатеев, А. Сардан, С. Шиголев, В. Черноволенко и Б. Смирнов-Русецкий, которые объединились в творческую группу «Амаравелла» («Несущий свет»), занявшую уникальное место в истории нашего искусства. Большое духовное влияние оказало на художников творчество Н. К. Рериха, а также встреча с замечательным мастером в 1926 году, во время пребывания Рерихов в Москве. Художники пытались осуществить в своей практике свободный от рассудочности синтез науки и искусства, предвосхитив тем самым многие современные попытки подобного синтеза; творчество их явилось своеобразной художественной параллелью и воплощением идей Циолковского, Чижевского, Вернадского, Рериха о космической миссии человека и о будущем сознательном сотрудиестве человека с космосом.

«Космические лучи вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил... Лик Земли ими меняется, ими в значительной степени лепится. Древние интуиции о тварях Земли, в частности о людях, как детях Солнца, гораздо ближе к истине, чем думают... Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайностей», — писал академик В. И. Вернадский.

Да, нынешней эре физического проникновения человека в космос предшествовали вековые устремления человеческого духа за пределы земного притяжения, к осознанию величественной картины мира и беспредельных возможностей человека-творца, «дитя Солнца».

Потому, наверное, так притягивают нас полотна из цикла «Космос» старейшего представителя «Амаравеллы» на киевской выставке Б. А. Смирнова-Русецкого. В своих картинах он создал прекрасный целостный образ Вселенной, вобравший в себя идеи и мечты людей разных времен и народов. Словно бы лучистая ткань звездных миров раскрывается в его «Космической геометрии», влечет к себе волшебный «Свет далекой звезды», уводят в беспредельность горные «Ступени» и сполохи «Огненных мыслей», отражающиеся на небесах. Надолго запоминаются таинственная

«Зеленая планета», голубые «Полусферы», стремительный «Старт».

Художников того поколения занимало не только изображение внеземного мира, но и новое восприятие космических явлений, происходящих на нашей планете. И сегодня, как и полвека тому назад, захватывает наше воображение свободный полет фантазии в картинах С. Шиголева «Лаборатория Космоса» и «Машины в Космосе», а также его лирико-философские полотна из серии «Путь», отразившие идею восхождения человека к новому, неизведанному.

«Наше творчество, интуитивное по преимуществу, направлено на раскрытие различных аспектов космоса... — писал в те годы один из представителей «Амаравеллы», художник, композитор и кинорежиссер А. П. Сардан. — Восприятие наших картин должно идти путем вчувствования и внутреннего сопереживания... В своих работах я пытаюсь передать синтетическое восприятие времени и динамики пространства, обогащенное гармоническими сочетаниями звуков и красок природы, во всем их величавом многообразии».

Это непосредственное интуитивное «сотворчество» с окружающим миром как бы возвращает нас в сказочный мир детства, к ощущению ребенка, вступившего в контакт с необъятным миром. Действительно, сколько нового, неожиданного открывают нам, взрослым, попытки эстетического освоения детьми своей Вселенной в их рисунках, которые были показаны наравне с произведениями взрослых на «космической» выставке в Киеве.

Познавая окружающее, ребенок не отделяет себя от него, сердце его доверчиво открыто всему, с чем он соприкасается, о чем размышляет, и потому, наверное, дети особенно остро ощущают диссонансы, не согласующиеся с законами красоты и гармонии, с той мерой и ритмом, которым подчиняется великая Природа — «стройный космический механизм», частью которого является наша Земля. Иными словами, истинное художественное видение, присущее и настоящим творцам и детям, отвергает хаотичность и бессмысленность бытия, сознательно или, быть может, интуитивно отдают они предпочтение светлomu, творческому мироощущению.

Воображение детей щедро допускает обитаемость других миров, рисунки детей, как правило, вбирают в себя заветные мечты человека, всё лучшее, что есть на нашей Земле. Их Будущее — это и прекрасные «Сады на Марсе» (Н. Акименко из Ставрополя), и сверхмощная «Лазерная связь» между планетами (А. Черны, Чехословакия); это «Народы Земли в Космосе» (Н. Чернов из Киева) и сверкающий всеми цветами радуги «Культурный центр будущего» (Иво Миковец, Чехословакия). Дети радостно знакомят нас с богатой «Космической Флорой» (Г. Тищенко из Баку), с удивительным «Инопланетным зверем» или большеглазым веселым «Жуком другой планеты» (И. Павлов из Москвы).

Стремление приблизить Вселенную к человеку, расширить его творческое сознание широко отражено в картинах художников среднего поколения. На киевской выставке были показаны работы самых различных направлений, и все они как бы пронизаны желанием «охватить» необъятный космос с самых разных сторон. Трудно отдать кому-либо из художников особое предпочтение, можно лишь попытаться заглянуть в этот удивительный мир, в котором поистине найдется место всем — и физикам, и лирикам, и философам.

Вас сразу захватят яркие, фантастические пейзажи: «Планета Тауренс» и «Искусственное солнце Плутона» Димитра Янкова из Болгарии и «Мир расплавленной планеты» А. Климова из Усть-Каменогорска; вдохновит «Лучезарная чайка» и как бы выплескивающее заряженные частицы материи «Энергетическое поле» В. Казьмина из Москвы; вы задумаетесь, соприкоснувшись с «Параллельным миром» кубинца Пабло Тоскано, и, конечно, не пройдете мимо лирического полотна «Памяти М. К. Чюрлениса» москвича Ю. Миронова. Здесь же отливающий кристальной «космической» синевой «Космодром» А. Шеко и загадочный, многоцветный «НЛО» В. Глухова из Москвы... Все эти и многие другие яркие, талантливые работы занесены теперь в каталог постоянно действующей международной художественной выставки «Время — Пространство — Человек».

У любой из картин этой выставки можно подолгу стоять, приобщаясь к творческому видению художника, и невольно вспоминаются слова Н. Рериха, обращенные к молодым: «Самые неожиданные проблемы знания, самые дерзновенные образы Красоты пусть вытолкнут вас из затхлого уголка... Беспредельность должен почуять молодой глаз. Именно глаз должен привыкнуть допустить беспредельность... Каждый человек может найти провод к беспредельности, ибо любой труд в качестве своем открывает затворы. При движении Космоса нельзя пребывать в кажущейся неподвижности — или назад, или вперед».

В свое время, беседуя с молодыми художниками «Амаравеллы», Николай Константинович особенно подчеркивал значение культуры в жизни человека и особую роль искусства в грядущем единении народов. «Прекрасное объединит нас», — говорил он, глубоко предвидя тот факт, что задолго до объединения народов политическими узами они уже будут соединены узами культуры и творчества.

Этот дух международного единения особенно очевиден в наше время в сфере освоения космоса. И не случаен, конечно, тот факт, что международная программа «Интеркосмос» нашла свое отражение в произведениях художников из творческой группы «Интеркосмос», которые также были представлены на выставке в Киеве. Группа «Интеркосмос» была организована при Союзе художников СССР в 1976 году, то есть спустя ровно полвека после встречи в Москве художников группы «Амаравелла» с Н. К. Рерихом, когда были заложены основы нового, космического искусства; и теперь мы можем с полным правом сказать, что космическая живопись впервые родилась и окрепла в Советском Союзе, на родине первого космонавта Земли. Ныне, когда полеты в космос перестали быть редкостью, интерес к космической теме расширяется и углубляется. Этому способствуют рассказы самих космонавтов, тысячи фотографий, позволяющих увидеть доселе невидимое, изучение поверхности Луны, атмосферы Марса, Венеры, опыт жизни и работы на орбитальных станциях, достижения радиоастрономии и других наук. Таким образом, реальные успехи научно-технической революции послужили сильным толчком, сообщившим как бы «вторую дополнительную скорость» космическому жанру. Вернувшись на Землю, первый космонавт-художник сказал: «Грех не запечатлеть на полотне водопад неземных красок...» На полотнах Алексея Леонова наша планета впервые предстает написанной с натуры, в них — истинное, подлинное чувство человека, увидевшего Землю и звезды из открытого космоса.

Такова связь времен, таковы ступени освоения человеком космоса. Впереди — беспредельность. К завоеванию новых возможностей, к расширению сознания человека, к синтезу знания и красоты призывает творчество талантливых художников.

*Москва — Киев
апрель, 1981*

«Алтай — Гималаи — два магнита»

I

«Сорвите с главы этого гордого утеса облако, начертите на нем стрелой молнии — и если эти письма будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь...» Такие слова сказал более ста лет назад первый поэт Алтая Егор Петрович Ковалевский. Прибыв из Петербурга на Алтай, он писал брату: «Знаешь, брат, там, у Телецкого озера, где природа покоится в своем первобытном состоянии, куда не достают ни дерзкий, ни любопытный, там, в непроходимых дебрях и громадных утесах, видел я страшное явление: пожар лился, горы валились. И все это творилось рукою незримой, я был один! Извини, но я не мог не сочинять. Послушай —

Предо мной Алтай, за мной
Алтай,
то взгроможденный
Поник на облаках, то в прах
раздробленный.
На глыбах, рухнувших, висит
дремучий бор.
Зияет пасть пещер, зияют бездн
стремнины!..
И глухо все! Природа страшной
ждет судьбины!..
Промчался тихий гул под
сводом неба; вдруг

Загрохотала высь и дол
отгрянул страшно!..
Трущоба вспыхнула, разлился
огнь ужасный...
Повсюду грохот, треск, бушует
страшно вихрь;
И мнилось мне, что рухнул свод
природы плотный,
И в хаос первобытный канул
ветхий мир!
А я один, я здесь, как памятник
былого,
Отвергший дерзко мир я,
чуждый тленью,
Дождусь ли я святого
обновленья?»

Так встретил Алтай своего первого поэта, приехавшего сюда в начале века из столицы.

Прошло сто лет, рухнул старый мир, обновилась Россия. И совсем другими глазами увидел Алтай великий русский художник-гуманист Николай Константинович Рерих.

«Приветлива Катунь, звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты? Семнадцатого августа видели Белуху, и было так чисто и звонко. Прямо Звенигород», — записал он в путевом дневнике.

Алтайский маршрут Рериха был частью знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции, которая началась в 1924 году в Индии и окончилась в 1928 году в Сиккиме. Алтай давно привлекал художника. С юных лет полюбил он Азию, будучи уверенным в том, что русский человек и русская культура глубоко связаны своими корнями с народами Азии, с Сибирью, с Центральной Азией и с Алтаем.

Такой взгляд на значимость «азиатских» корней России далеко не случаен. Подобные мысли высказывал в конце прошлого века великий русский писатель Ф. М. Достоевский — на страницах его «Дневника писателя» есть такие слова: «...в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!.. С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку».

И вот спустя менее чем полвека русский художник Николай Константинович Рерих, совершая экспедицию по Центральной Азии, записывает в своих «Листах дневника»: «Белуха, эта Сумеру Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего».

Экспедиция Рериха прибыла на Алтай в августе 1926 года. Организатором экспедиции был сам художник, а участниками — его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич, востоковед. Для поездки на Алтай к ним присоединились двое сотрудников, работавших в рериховских организациях в Нью-Йорке, — Зинаида Григорьевна Фосдик и Морис Михайлович Лихтман. Рерихи шли тогда из Индии, через Центральную Азию и затем с Алтая продолжили свой путь дальше. Таким образом, Алтай стал как бы срединной точкой их пути.

«Алтай является жемчужиной не только Сибири, но и жемчужиной всей Азии, — писал художник друзьям в Европу. — Строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все придает Алтаю незабываемое значение!»

И облик Алтая молодой: «земля здесь будто сейчас народилась, из любого ручья пей — безопасно».

Алтай на севере и Гималаи на юге были для Рериха полюсами единого грандиозного горного мира. Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор внутренней Азии, и это в полной мере отразилось как на его полотнах, так и на страницах его путевых дневников, изданных впоследствии отдельными книгами «Алтай — Гималаи» и «Сердце Азии».

Изучение Алтая явилось для художника частью обширной программы исследования культур

Востока, задуманной и начавшей осуществляться еще до первой мировой войны. На Алтае сохранились следы «великого переселения» народов, что давало художнику пищу для размышлений о человечестве и о сложности его судеб: «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, установленное большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах... И в доисторическом и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища».

Рерих-мыслитель глубоко понимал значимость древних культур, лежащих в основе нынешней цивилизации. «Знание преображается в легендах, — говорил он, — сколько забытых истин сокрыто в древних символах. Они смогут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно». И Рерих-исследователь стремился проникнуть в глубинные истоки общечеловеческой и русской культуры, с интересом изучая живые традиции русской старины — уклад жизни, быт, одежду, украшения, сохранившиеся еще на Алтае в поселениях переселенцев-староверов. Художник мечтал о том, что в будущем этот край станет цветущим и богатым, о том, что лучшие традиции русской культуры — традиции первых русских поселенцев — будут продолжены здесь в тесном содружестве с коренным населением, с алтайцами, мудрым горным народом, история которого уходит в глубокую древность.

Экспедиция Рериха, несмотря на непогоду и трудные дорожные условия, прошла через Усть-Кан и Усть-Коксу к подножию Катунского хребта, в Уймонскую долину и остановилась в отдаленном горном селе Верхний Уймон. Село это — одно из самых старых русских поселений на Алтае. Его основали около 300 лет назад русские крестьяне, бежавшие от крепостного гнета и реформ Никона и Петра Первого. Поиски укромных мест с урожайными землями подкрепляла вера в существование далекой праведной страны — Беловодья. Со временем Беловодьем стали называть богатые природными дарами плодородные земли этого уголка Алтая, хотя устная народная традиция относит местонахождение Беловодья намного дальше, на юг.

Условия труднопроходимости и изолированности вплоть до начала XX века способствовали сохранению среди жителей села древних сказаний и легенд, многих черт древнерусского уклада жизни, крестьянских ремесел и прикладного искусства, что сыграло определенную роль при выборе этого места для базы экспедиции. От внешнего мира село укрыто раскидистыми хребтами, а к юго-востоку от него, венчая Катунский хребет, возвышается двуглавая сверкающая корона самой Белухи — матери Алтайских гор.

О цели экспедиции Николай Константинович Рерих писал: «Конечно, самое главное стремление как художника было к художественной работе. Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы — везде горы, вода — всюду вода, небо — везде небо, люди — везде люди. Но тем не менее если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать».

Во время путешествия Николай Константинович много работал над этюдами, зарисовками, картинами. Он побывал на многих близлежащих горах, поднимался на «белки» — так называют здесь вершины с вечными снегами, писал Белуху, которую ставил в один ряд с «прекраснейшими высотами» — Канченджангой и Эльбрусом.

Высочайшая вершина Алтая расположена глубоко среди других хребтов, и увидеть ее не просто. Художник поднимался на Теректинский хребет, ездил к подножию горы вдоль реки Кучерлы и, кроме того, побывал на южных склонах Катунского хребта, откуда вид на Белуху открывается в наиболее широкой перспективе. Известна картина Н. Рериха «Белуха», написанная в звонких, светлых тонах; на ней отчетливо видны обе вершины Белухи — художнику удалось увидеть гору в ясную погоду, без тумана, что случается нечасто. Ныне картина «Белуха» находится в Париже, в Луврском музее.

В поездках по горам художника сопровождал известный проводник Вахрамей Семенович Атаманов, водивший ранее многих художников и исследователей Алтая. Вахрамей Семенович славился знаниями «по всяким вопросам». Знал языки — казахский, английский, киргизский, алтайский; изучал минералы, кузнецом был хорошим и известным лекарем-самоучкой. Шли к нему люди за советом. Он собирал целебные травы, корни и цветы, выписывал книги и журналы, переписывался с учеными и с успехом врачевал людей и животных.

Рерихи разместились в доме Атаманова на втором этаже, и между художником и Вахрамеем Семеновичем вскоре сложились весьма сердечные отношения. Впоследствии художник писал о нем в книге «Алтай — Гималаи»: «Это уже Пантелей-целитель — не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос». Уже будучи в Индии, художник прислал Вахрамею Атаманову журнал с их совместной фотографией на фоне Алтайских гор; некоторое время они переписывались — Вахрамей Семенович высылал в Индию лекарственные растения.

Очевидно, Вахрамей Атаманов напоминал Рериху персонаж из его картины «Пантелей-целитель», написанной им еще в 1916 году. Позднее художник неоднократно возвращался к этой теме — в Новосибирской картинной галерее есть небольшое полотно «Гуру-чарака», созданное уже в 40-х годах, на котором изображен седой длинноротый старец, собирающий целебные травы.

Двухэтажный шестистенный бревенчатый дом Атаманова, в котором жили Рерихи, считался самым заметным — таких зданий в селах Алтая того времени встречалось немного. На одной из стен дома сохранилась деревянная роспись с красной чашей, которая, очевидно, имела когда-то культовое значение. В доме было очень чисто, как и положено у «доктора», вокруг дома — палисадник с цветами, на втором этаже — две комнаты, разделенные коридором, и сени. Здесь квартировали многие путешественники, здесь же разместились и Рерихи.

Дом этот сохранился до наших дней. В августе 1974 года в ознаменование столетия со дня рождения художника на доме была установлена мемориальная доска, и он был внесен в число исторических памятников Горно-Алтайской автономной области. В декабре 1978 года исполком Алтайского краевого Совета по предложению облисполкома и краевой организации Союза художников вынес решение о создании в селе Верхний Уймон Усть-Коксинского района Дома-музея Н. К. Рериха, с открытием которого в доме, где жили Рерихи, будет восстановлена историческая обстановка. Музей Рериха на Алтае создается на принципах сотрудничества, которые неизменно претворял в своей жизни сам художник; в создании дома-музея участвуют различные организации и музеи, а также культурные деятели из разных городов нашей страны. Музей задуман как своеобразный культурный центр и объединит в себе несколько планов — здания его представят самобытную крестьянскую деревянную архитектуру; экспозиции расскажут о жизни и творчестве Н. К. Рериха, а также о знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции.

Экспедиция Рериха на Алтае ставила также и цели исследования геологических богатств массива Белухи. Крестьяне по просьбе членов экспедиции собирали камни особого вида, а затем велись записи, с каких мест они были взяты. Изучение богатств Алтая не было для Рериха отвлеченной научной задачей — члены экспедиции разработали план использования природных богатств массива Белухи и постройки города в долине Усть-Коксы. О будущем городе как о центре культуры неоднократно писал сам Рерих.

Нетронутая, девственная природа Алтая, археологические памятники древней культуры, географическое положение центра материка, богатые недра и возможность большого строительства — все это, несомненно, повлияло на выбор маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. Исследования, начатые Н. К. Рерихом в 1926 году в Уймонской долине, позволили ему предсказать значительные перспективы в развитии Алтая и Сибири: «Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию». Базу экспедиции Н. К. Рериха на Алтае можно смело считать как бы первым «пробным камнем» известного теперь во всем мире гималайского института научных исследований «Урусвати», любимого детища Н. К. Рериха, который был основан спустя два года (в 1928 году) в долине Кулу, в Индии. Долина Кулу и Уймонская долина представлялись художнику крайними точками огромного горного мира Азии, тесно связанными между собой: «Истинно, Алтай — Гималаи — два магнита, два устоя, два равновесия».

Институт «Урусвати», явившийся результатом совместной творческой деятельности семьи Рерихов, был задуман как международный центр, где в будущем должны быть представлены все отрасли наук. «Эта научная станция должна развиваться в Город Знания. Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений», — говорила почетный президент-основатель института Елена Ивановна Рерих. «Истинно, мир будущий, мир высший грядет в доспехе лучей лабораторных, — писала она в своих «Письмах», изданных в 30-х годах в г. Риге. — ...Техника будет подчинена духу, результатом чего будет познание высших законов, а отсюда и познание высших целей, которое приведет к преобразованию всей материальной природы. Преображенная природа, преобразенный дух народа

подскажут и новые лучшие формы устройства жизни...»

Принцип тесного международного сотрудничества оставался главным и в деятельности института «Урусвати», его сотрудники были связаны более чем с 250 научными учреждениями Европы, Азии и Америки. Однако вторая мировая война прервала его работу, и Н. К. Рерих не успел при жизни распорядиться судьбой ценнейших материалов, хранящихся в здании института. Старший сын художника, известный ученый-востоковед Юрий Николаевич Рерих, возвратившись в 1957 году на Родину, привез с собой значительную часть художественного и литературного наследия отца. Однако преждевременная кончина Юрия Рериха помешала осуществлению многих планов.

Создавая Гималайский институт, Рерихи мечтали превратить его в Город Знания. Эту программу не пришлось тогда осуществить — помешала мировая война. И вот через восемнадцать лет после прекращения деятельности «Урусвати», за год до возвращения на родину Ю. Н. Рериха, в 1957 году, в самом центре Сибири решением партии и правительства был создан мощный научный центр — Сибирское отделение Академии наук СССР. Ученые разных специальностей выразили желание переехать на постоянное жительство в Сибирь, с тем чтобы создать здесь научно-исследовательские институты, работающие на уровне последних достижений мировой науки. Главный принцип, которым руководствовались организаторы, — комплексность, то есть то же самое, что более всего оценил в «Урусвати» Н. К. Рерих.

Ныне Новосибирский Академгородок стал поистине Городом Знания, ему принадлежит особая роль в развитии науки, и, конечно, не случайно, что именно здесь, в Новосибирске, по инициативе молодых ученых-энтузиастов уже дважды собиралась научная и культурная общественность страны на ставшие традиционными «Рериховские чтения». Впервые эта конференция была проведена Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с Новосибирской картинной галереей, где экспонируется 60 работ Н. К. Рериха, переданных сюда Ю. Н. Рерихом по завету отца. Конференция прошла в 1976 году и была приурочена к 50-летию исследования Рерихов на Алтае. Тогда же были опубликованы тезисы конференции с широкими разделами по археологии, истории, искусству, культуре и естественнонаучным проблемам.

Спустя три года в Новосибирске была проведена вторая конференция, посвященная 50-летию со дня основания Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати», которая привлекла большое внимание ученых, искусствоведов и культурных работников из многих городов страны; материалы ее также были опубликованы. «Для нас, сотрудников Сибирского отделения АН СССР, слово «Урусвати» имеет особое значение, — рассказывает участница этих конференций, положившая много сил на их организацию, Людмила Александровна Андросова, — ведь так был назван основанный Рерихами в долине Кулу Гималайский институт. Его основатели мечтали о городе науки, где в тишине и мудром общении будут познаваться истины, где каждый ученый будет иметь в своем распоряжении лучшие аппараты и где при общей согласованности и сотрудничестве отраслей науки сможет произойти много новых открытий».

Всегда вместе, всегда устремленные к новым высотам, шли по жизни Рерихи, и теперь на Алтае расположились рядом четыре сияющие вершины с их именами. От Людмилы Андросовой, участницы многих горных восхождений, я узнала, что на огромной скале возле перевала Победы, ведущего на вершину северного отрога Катунского хребта, названную еще 20 лет назад пиком Рериха, в 1975 году сотрудниками СО АН СССР по праву первопроходцев был начертан символ Знамени Мира с девизом «Мир через культуру», предложенным в 30-е годы Н. К. Рерихом. А рядом, с правой стороны от северной стены Белухи — высочайшего горного массива Сибири, — расположилась вершина Урусвати, что в переводе с санскрита означает «свет утренней звезды».

«Именем Урусвати звали в Индии Елену Ивановну Рерих, — говорит Людмила Александровна, участница восхождения на вершину Урусвати. — В 1979 году, когда исполнилось 100 лет со дня рождения Е. И. Рерих, сотрудники СО АН СССР посвятили ей свое восхождение». Они поднялись на безымянную вершину, оставив там репродукцию с картины Н. К. Рериха «Держательница мира», записку с посвящением вершины Елене Ивановне Рерих и полотно с изображением знака-символа равновесия Вселенной, который принадлежит гималайскому институту «Урусвати».

В августе 1982 года исполнилось 80 лет со дня рождения старшего сына Рерихов, незаменимого помощника их во время знаменитой Центрально-Азиатской экспедиции, выдающегося ученого-востоковеда, работавшего последние годы своей жизни в Москве. Это был человек необычайной эрудиции и удивительного обаяния; говоря словами Рериха-отца, он всегда «умел доброжелательно

направить молодое мышление к светлым путям будущего», и потому каждый, кто общался с Юрием Николаевичем, ощущал воодушевление и радость, которые он нес людям.

Именем Юрия Рериха названа третья вершина Алтая в отроге Катунского хребта вблизи Белухи — между пиком Н. К. Рериха и Урусвати. На эту вершину взойшли 18 августа 1981 года трое новосибирцев — сотрудников СО АН СССР (руководитель Е. Маточкин), свое восхождение они посвятили 80-летию со дня рождения Ю. Н. Рериха. Ему же были посвящены и «Рериховские чтения-3», организованные в сентябре 1982 года в г. Улан-Удэ Бурятским филиалом СО АН СССР. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Владивостока, Фрунзе, Абакана, Горно-Алтайска, Читы и Улан-Удэ. Было заслушано и обсуждено около 60 докладов, и работали четыре секции — истории, археологии и этнографии; философии и религиоведения; источниковедения восточной медицины; литературы и искусства. Конференция была призвана способствовать дальнейшему развитию востоковедных исследований, которым Ю. Н. Рерих посвятил всю свою жизнь. В Советском Союзе им была создана «рериховская школа» индологов и тибетологов; он преподавал санскрит, тибетский и ведийский языки и вдохнул новую жизнь в работу по переводу древних философских и литературных памятников. Свои обширные знания он приобрел в многочисленных путешествиях и экспедициях, а исходным материалом его научных трудов служили подлинные древние рукописи и другие первоисточники. «Теперь единственный путь современного человека — это знание, — говорил Юрий Николаевич. — Все дело теперь за наукой, особенно за физикой, математикой, биологией, психологией. Наука должна дать ответ на тонкие явления». С большим уважением относился он к вопросам народной медицины, в частности тибетской, не раз упоминая русского ученого Бадмаева, эффективно лечившего методами тибетской медицины туберкулез и рак.

В настоящее время Сибирским отделением АН СССР под руководством академика медицины В. Казначеева ведутся серьезные скоординированные работы по изучению тибетской медицины; расшифровываются и переводятся забытые медицинские трактаты, испытываются в лабораториях восточные лекарственные средства. В Бурятии, в Улан-Удэ, создан отдел, занимающийся изучением древней тибетской медицины, ибо живы еще народные врачеватели, готовые поделиться своим опытом с учеными.

Всем этим вопросам было уделено внимание на «Рериховских чтениях-3», тем более что Юрий Николаевич Рерих, будучи бессменным директором Гималайского института «Урусвати», положил много сил на изучение тибетской медицины. С его помощью были сделаны переводы на европейские языки древних манускриптов, а также впервые был составлен при участии лам-лекарей атлас тибетских лекарственных растений. Однако вторая мировая война прервала работу института, и ценнейшие материалы были законсервированы.

С кончиной Николая Константиновича, Елены Ивановны и Юрия Николаевича Рерихов неизбежно ушло то, что могли дать миру только они. Однако результаты их совместной творческой деятельности не пропали. Ныне общее дело продолжает брат Ю. Н. Рериха — замечательный современный художник, мыслитель, естествоиспытатель и общественный деятель, почетный академик живописи СССР и НРБ, почетный доктор наук Велико-Тырнового университета, лауреат премии им. Дж. Неру Святослав Николаевич Рерих. Им предприняты шаги по возобновлению исследовательской работы на базе института «Урусвати», он поддерживает контакты с научными учреждениями Советского Союза и других социалистических стран.

В свое время Н. К. Рерих писал: «...для кого же все мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удавалось внести истинное понимание русских исканий и русских достижений. Ни на миг не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азиатским путям». И Святослав Николаевич Рерих, со своей стороны, также выразил пожелание, чтобы советские и индийские ученые продолжили деятельность института «Урусвати», «...русские начали, русские должны и продолжить», — сказал он. Эти исследования смогут способствовать введению в научный оборот уникальных материалов, хранящихся в «Урусвати», а также послужат укреплению и развитию международных связей в области науки, экономического и культурного сотрудничества.

В 1975 году Святослав Николаевич Рерих подарил Сибирскому отделению Академии наук СССР картину Н. К. Рериха «Победа» из «Богатырской серии», где на фоне Белухи изображен древнерусский воин с поверженным перед ним драконом. Картина была написана в 1942 году, в тяжелейшее для нашей страны время, и величественная Белуха стала здесь символом духовной мощи советского

народа, символом победы и героизма. Свой дар Святослав Николаевич сопроводил телеграммой с такими словами: «С большим удовольствием приношу в дар Сибирскому отделению Академии наук картину Николая Константиновича «Победа». В этой картине сочетались его непоколебимая вера в Родину и прогноз великого будущего. Прошу передать мой самый сердечный привет Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву и всему коллективу академии. Святослав Рерих». В ответной телеграмме Сибирское отделение выразило Святославу Рериху глубокую благодарность за щедрый дар — картину его отца «Победа»: «Она всегда будет для сибиряков памятью о Победе в великой войне с фашизмом, символом грядущих побед и свершений, знаком наших нерасторжимых связей».

В июне 1983 года, в честь наступающего 80-летия Святослава Николаевича Рериха, группа советско-чехословацких восходителей, возглавляемая В. Юдиным и И. Пржидола, совершила восхождение на вершину, ближайшую к пику Н. К. Рериха и назвала ее Пиком Святослава Рериха. На вершине была оставлена записка-посвящение и репродукция с картины С. Н. Рериха «Ты не должен видеть этого пламени» как призыв к объединению людей планеты против угрозы разрушительной войны.

Пик Святослава Рериха завершил массив вершин, посвященных членам семьи Рерихов. Как в жизни шли они рядом, устремленные к высотам творческого духа, так и эти четыре вершины, расположенные рядом, гармонично сливаются в единый ансамбль, ведущий к сверкающим высотам легендарной Белухи.

«И в доисторическом и в историческом значении Алтай представляет нескрытую сокровищницу», — говорил Николай Константинович Рерих. Живя в Индии, в Гималаях, он собирался вернуться на родину, чтобы жить и работать на Алтае, но в декабре 1947 года среди сборов в Россию его жизнь неожиданно оборвалась.

Великий подвижник, Махариши, как звали его в Индии, окончил свой долгий удивительный путь. Остались картины и книги. Остались слова, сказанные им в «Завете»: «Но вот что завещаю всем, всем... В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там и все идет...»

II

Мне довелось своими глазами увидеть «ширь Алтая» — за последние пять лет я побывала там четыре раза; и теперь, когда остались позади эти синие горы, голубые озера, бурные реки, цветущие луга и кедровые леса, я в затруднении: с чего же начать свой рассказ? Иногда начало похоже на беспорядок — вспоминается все: и полночная радуга среди звезд, и рассвет в верховьях Катуня, и пятидневный переход на лошадях к чудесному горному озеру, и, конечно, знаменитый Алтын кель — «золотое» Телецкое озеро. А с какими замечательными людьми свела меня судьба!..

Многое изменилось на Алтае за полвека. В районный центр Усть-Коксу, куда экспедиция Рериха добиралась когда-то от Бийска десять суток, теперь можно долететь за сорок минут самолетом из Горно-Алтайска. И если вам повезет и погода будет ясная, то незадолго до приземления с левого борта самолета вы сможете увидеть во всей его красе белоснежное ожерелье Катунского хребта, увенчанного прекрасной жемчужиной — сверкающей на солнце двуглавой вершиной Белухи.

Как передать ликующую радость, которая охватывает вас при встрече с этим необъятным царством белоснежных гор, кажущихся такими близкими и в то же время такими далекими! Тут начинаешь понимать, почему именно горы стали для человека символом духовного восхождения, приближения к красоте и гармонии.

...Путь мой лежал к Тайменному озеру, куда пройти можно только конной тропой, с проводником или с чабанами. Об озере этом я слышала давно. Упомянул о нем и Рерих, когда описывал свое путешествие.

Тайменное озеро... Манит оно к себе своей недоступностью, своей красотой. И само название озера словно скрывает в себе какую-то тайну. Там, за Тайменным озером, если верить молве и легендам, пролегали пути к верховьям реки Бухтармы, куда уходили когда-то кержаки-староверы искать заповедную страну Беловодье, где «вся воля, вся правда живет». Об этом рассказывали Н. К. Рериху старожилы Верхнего Уймона. «Все легенды от были», — говорил художник, видя в них отзвук реальных исторических событий, видоизмененных народным воображением.

Мы вышли на озеро из села Тихонького, что в пяти километрах от Верхнего Уймона, утром 21

июля. С погодой нам повезло: накануне светила яркая радуга, и всю дорогу на озеро мы шли под ослепительным солнцем; лишь в последний день, на обратном пути, пошел дождь, но он был нам уже не страшен. Пять дней провели мы в дороге, ночуя под кедрами, и мне открылись великий простор и красота Горного Алтая.

Помню, как на закате первого дня после трудного Залавка — очень крутого перевала — мы вышли на ровное плоскогорье, называемое в народе Холодным белком из-за сильных ветров, встречающих обычно здесь путника. Но в этот день было тихо. Мы шли в окружении удивительно чистых, словно вычерченных на холсте контуров гор. Тонкие нежные краски заката усиливали ощущение простора и светлой тишины. Свет и тихая радость, единение неба и земли в многоцветных лучах вечернего солнца. В памяти всплыли картины Н. К. Рериха, и на какое-то мгновение в душе родилось чувство, близкое, наверное, тому, которое вдохновляло когда-то художника. Казалось, в этот предзакатный час теплые лучи солнца пронизывали весь мир, как бы посвящая все существующее на Земле в великое творчество Вселенной.

Спутники мои тоже почувствовали нечто особенное и притихли. Долго шли мы молча, и как будто невидимые нити объединили нас, ставших свидетелями светлого таинства природы. Да, это было открытием. А точнее началом открытий, потому что «сказка» была еще впереди — там, где за пятью перевалами лежало Тайменное озеро.

Мы шли перевал за перевалом — Холодный белок, Зайчонок, Тихий Собачий, Быстрый Собачий, Большереченский. И, наконец, на второй день пути поднялись на последний, Харьюзовский перевал. «Ну, Татьяна, теперь смотри!» — сказал мой проводник.

Внизу перед нами неожиданно раскинулась синяя гладь прозрачного горного озера. По берегам его росли могучие кедры вперемежку с березами, а за ними уходила вдаль сплошная белизна высокогорья. Очертания прибрежных вершин отражались в воде, и все это, освещенное ярким солнцем, создавало невиданную гамму красок. Мне припомнилась картина Рериха «Озеро нагов» — тут было тоже что-то волшебное, в этом великолепии, где явь соединялась со сказкой. Так вот оно какое — Тайменное озеро! Пожалуй, его можно назвать прообразом знаменитого Алтын кёля — «золотого» озера Телецкого, которым по праву гордится Алтай.

К слову сказать, исконные алтайцы выгодно отличаются своим мудрым, любовным отношением к природе. Недаром, наверное, возносили когда-то их деды и прадеды жертвы доброму Ульгеню, творцу Алтая, который хранит их душистые леса от вырубок и пожаров, учит простой народ жить по-братски, без ядовитой зависти и обмана, вражды и притеснений. А послушайте, какие прекрасные песни поют алтайские сказители-кайчи о своем величавом Алтае:

Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь на тебя с высоты.
Со стороны поглядишь на тебя,
Ты блестяшь, как девятигранный алмаз!
Когда со ската горы окинешь взором тебя.
То, как плеть расплетенная,
Тянутся хребты твои...

И вот подходит час разлуки. Очень жаль расставаться с полюбившимся краем, хранителем заповедной красоты.

В последний вечер перед отъездом из Верхнего Уймона захожу попрощаться к председателю сельсовета. За разговором не заметили, как разразилась гроза; отключили свет. А когда наконец поутихло и мы вышли из дома — глазам открылась удивительная картина: на небе горели звезды, из-за туч выглянула полная луна, а над головой — в полнеба — светила радуга! Полночная радуга среди звезд...

Пути восхождения (Об одной необычной встрече)

Не знаю, быть может, действительно в горах мы живем по каким-то иным законам, чем в

долинах, но факт остается фактом: «горние» наши встречи и впечатления повторяются на новом жизненном витке с удивительной закономерностью.

Вот и на этот раз, спустя два года после нашей первой встречи в далеком горно-алтайском поселке, судьба самым неожиданным образом вновь свела меня с Галиной Ядревской, работницей сельского Дома культуры, — мы встретились в Москве, у художника Святослава Николаевича Рериха, приехавшего в столицу со своей женой Девикой Рани Рерих из далекой Индии.

Но начну по порядку. Тогда на Алтае нас соединило с Галей общее дело — обе мы работаем на ниве культуры и обе глубоко почитаем творчество и жизненный подвиг Рерихов. Прошлогдняя наша встреча на Алтае не была, конечно, случайной: когда-то по Алтаю проходила знаменитая Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов, и теперь в селе Верхний Уймон строится музей Н. К. Рериха, что само по себе явление примечательное, если учесть отдаленность и труднодоступность этого горного района.

«Алтай является жемчужиной не только Сибири, но и жемчужиной всей Азии», — записал когда-то в своем путевом дневнике Н. К. Рерих. Действительно, природа Горного Алтая уникальна, и теперь перед работниками культуры на Алтае встают самые насущные задачи: как помочь человеку в полной мере воспринять окружающую красоту и приобщиться к ней? Как укрепить и развить у людей заботливое, творческое отношение к природе, к жизни, к труду?

«Ведь все по-своему стремится к прекрасному, — писал великий художник. — ...От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утверждаться на незыблемо прекрасном... и в одном этом стремлении он уже укрепится, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении».

На своем опыте клубного работника убеждалась Галя в том, как искренне тянутся люди к истинному искусству, как нужна ее работа на селе. И она поставила перед собой задачу — создать здесь истинный очаг культуры, где каждый мог бы прикоснуться к чему-то лучшему, поделиться своими мыслями, найти ответ на многие вопросы. Она готовила лекции, доставала репродукции, слайды, выписывала книги, журналы — все, что написано у нас о жизни и творчестве Рерихов, привлекала к своей работе односельчан, проводила беседы о том, почему так влекут художников горы, почему так нужна в жизни красота.

«...Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, восходит к этим вершинам, — читала Галя слова Николая Константиновича Рериха о Гималаях. — И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолением земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами и вихрь, и голод, и жар преодолеваются там, где полна чаша находжений». Именно так происходит и в жизни: спуски и подъемы — это лишь ступени для новых находжений. Лишь бы не забывать во время спуска, что есть где-то новые сияющие вершины!

И вот, получив очередной отпуск, Галя покинула свои алтайские высоты и решила съездить в Москву: работа Дома культуры расширяется, и нужно как-то налаживать связи с «большим» миром.

В Москве она узнала о приезде Святослава Рериха. Встретиться с Рерихом?! Какие неожиданные подарки преподносит нам порою судьба! А тут появилась вдруг возможность не только увидеть художника, но и поговорить с ним о своей работе.

Так 10 июня в 11 часов утра Галя Ядревская пришла в гостиницу «Советская», где остановились гости из Индии. Святослав Николаевич был не один — с 9 часов утра у него, как всегда, уже были посетители. Но как-то само собой получилось так, что беседой завладела Галя. Ну, а я про себя подумала, что вот на наших глазах реализуются крылатые слова Н. К. Рериха: «Алтай — Гималаи — два магнита...» С интересом присутствую при встрече «представителей» этих двух горных миров — знаменитого художника и молодой советской работницы культуры, вслушиваюсь в их беседу о самом важном и насущном — о путях воспитания нового, гармонично развитого человека.

У меня сохранилась запись этой беседы, и я с удовольствием предлагаю ее читателям лишь с незначительными сокращениями.

С. Н.: Ну, так какие же у вас есть вопросы?

Галя: Разрешите сначала подарить вам алтайский мед от сотрудников нашего Дома культуры. Пожалуйста, это от души.

С. Н.: Спасибо... Прекрасный медведь (нарисован на бочонке). Интересно, что и в Индии название медведя по-санскритски «мадуви», то есть то же самое: «медведь» — «тот, кто ведает медом». Как видите, очень много общих слов... Большое вам спасибо.

Галя: Святослав Николаевич, я из Дома культуры на Алтае, там растет интерес к вашему творчеству.

С. Н.: Это в Уймонской долине?

Галя: Да, в Уймонской долине. И нам очень хочется, чтобы люди лучше знали ваши работы.

С. Н.: Видите ли, сейчас выставка моих картин и картин Николая Константиновича показывается в Харькове, потом она будет путешествовать и пойдет в Петрозаводск, Архангельск и на Кавказ; очень много запросов с Кавказа, и она еще туда не дошла.

Галя: А как Алтай, Сибирь?

С. Н.: Это, очевидно, уже следующий этап... А вы бы вот написали нам письмо, так чтобы мы могли знать, где именно есть интерес, и могли бы планировать выставки.

Галя: А куда написать?

С. Н.: Вам придется написать в Индию. Адрес вы можете взять. Напишите все ваши соображения, куда, что, какие приблизительно сроки вам удобны были бы, согласуясь с местными условиями, потому что каждое место имеет свои особенности.

Галя: У нас в клубе есть репродукции и слайды...

С. Н.: Что ж, хорошо. В конце концов это — начало. Хотя репродукции очень редко могут отразить оригинал. Но все-таки это какое-то начало, и я это очень приветствую.

Галя: Я работаю в Доме культуры, и мы соприкасаемся с понятием культуры в самом широком смысле. Люди у нас хорошие, и они воспринимают настоящую культуру очень сердечно.

С. Н.: Видите ли, как всегда говорил Николай Константинович, как все мы постоянно говорим, — именно путями культуры, путями красоты поднимется человечество на следующую ступень. Нет других ступеней, которые могли бы действительно поднять человечество. Мы можем дать людям удобства, могут быть прекрасные открытия, но вы сами знаете, что такие замечательные открытия, скажем, атомных мистерий, употребляются или на какое-то вооружение, или на что-то еще, что может повредить человечеству. Поэтому нам нужно искать, какими другими путями можно поднять человечество, — не этими внешними проявлениями наших достижений, а внутренними, то есть путями культуры.

Галя: Мы это так и понимаем. Наш XXVI съезд партии решил, что необходимо комплексно развивать экономику, социальную, духовную жизнь страны. Когда мы в Доме культуры думаем об этой задаче, то приходим к выводу, что в первооснове многих экономических проблем лежит человеческий фактор, они прямо связаны с проблемами нравственными, этическими, и наша главная задача, задача работников культуры, — всемерно способствовать воспитанию нового, гармонично развитого человека.

С. Н.: Это самое главное. В конце концов все строится, все делается для кого? Для человека, не правда ли? Значит, нужно как-то воспитать, найти какие-то пути к внутреннему миру человека. Знаете, как Конфуций говорил в свое время: «Более совершенный человек ищет то, что в нем самом, а обыкновенный человек ищет то, что у других», — то есть он ищет, что можно забрать у других, тогда как настоящие ценности лежат в самом человеке, и ему самому нужно их как-то высветлить.

Галя: Мне думается, для этого должно быть желание.

С. Н.: Да, самое первое — это именно устремление, желание. Без этого вы ничего не достигнете.

Галя: Потом человеку помочь надо...

С. Н.: Помочь вы потом уже сможете, но без пробуждения желания, пробуждения необходимости приобщиться к чему-то более совершенному ничего не получится. Знаете, человека иногда очень трудно пробудить, есть такие моменты в жизни, когда сам человек должен созреть, и тогда вы сможете его пробудить, сможете направить его, может быть, каким-то новым путем, но, в общем, все-таки это зависит от состояния самого человека. Он должен проснуться, созреть, а до этого — что бы вы ни делали — все это будет как-то скользить по поверхности и останется вне всяких изменений.

Галя: Мне кажется, что одна из первых задач гармоничного воспитания в том, чтобы попытаться каждого человека научить законам, по которым строится красота искусства, любого искусства, труд — это ведь тоже искусство. И это тоже одна из задач домов культуры, правда?

С. Н.: Несомненно. Потому что, в конце концов, к чему идет эволюция? К большему

совершенству, не правда ли? К более совершенному проявлению жизни. Что же меняет внешние образы животных, людей? Очевидно, необходимость, так? А что именно в необходимости? Одна необходимость ничего не делает. Каждые семь лет человек перерождается — каждые семь лет все клетки человека постепенно меняются. И эти непрерывные изменения клетки и есть как бы наша основа, которую мы можем изменить и над которой мы можем работать. Иными словами, наши мысли, наши устремления, наши мысленные усилия — все они отображаются на клетках нашего организма, как бы запечатлеваются на них, и потому в своих постоянных обновлениях и изменениях они меняются по тем руслам и по тем каналам, которые мы им готовим. Так происходит с нашими устремлениями и желаниями, и для этого мы должны именно жить полноценной жизнью, мы не должны, видите ли, только читать об этом.

Гая: Святослав Николаевич, еще один вопрос относительно работы домов культуры. Я иногда думаю: не могли бы они стать своеобразными центрами объединения? У нас есть дома художников, дома актеров. Но нет домов, где могли бы объединиться вместе и ученые и художники. И я иногда думаю: не могли бы именно дома культуры взять на себя роль инициаторов и организаторов подобного объединения?..

С. Н.: Конечно, можно идти всякими путями, и мы должны об этом думать. Но начинать всегда нужно с чего-то малого, именно — с окружения, в котором мы сами принимаем участие и которое постепенно может вырасти в нечто другое и слиться с другими такими же усилиями или, может быть, предприятиями, организациями. Это, конечно, мы должны постоянно проводить в жизнь. Самое главное — быть сознательным и постоянно помнить о том, куда вы идете, что вы хотите сделать и как вы хотите это сделать. Наша задача — совершенно ясно и просто идти по пути совершенствования, пути достижения.

Так закончилась беседа Святослава Николаевича Рериха с Галей Ядревской, работницей сельского Дома культуры на Алтае.

В заключение хочется напомнить слова, сказанные когда-то Николаем Константиновичем Рерихом о том, что величайшая вершина Алтая — Белуха — «стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручателем будущего», будущих устремлений человека к более совершенному, более прекрасному миру, потому что: «истинно, Алтай — Гималаи — два магнита, два равновесия, два устоя».

«Величайший победитель в битве...»

«Если кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве».

«Дхаммапада»

Юрий Николаевич Рерих. Нет, я не знала его лично. Не могу причислить себя к его ученикам, не участвовала в научных конференциях по случаю его юбилеев и не присутствовала на торжественном открытии памятника ему на Новодевичьем кладбище в Москве 17 августа 1965 года. Все эти события происходили, когда я еще только окончила десятилетку и поступила в институт.

Но вот спустя пятнадцать лет после ухода из жизни Юрия Николаевича Рериха мне попался на глаза сборник с его трудами. На первой странице обложки я обратила внимание на фотографию Юрия Николаевича. И тут произошло нечто неожиданное для меня — я вдруг почувствовала, что давно знакома с этим человеком. Он стоял на фоне картин, изображающих Гималаи, и весь его облик излучал светлый покой, сосредоточенность и мысль. Казалось, он знал нечто такое, чего еще не вмещал мой рассудок. Лицо его освещалось как бы изнутри, а глубокий взгляд таил ответы на многие неразрешенные вопросы.

С тех пор мне захотелось как можно больше узнать о Юрии Николаевиче. В чем видел он смысл своей жизни? Почему так тянулись к нему люди? И что давало им общение с ним?

В общих чертах я уже имела представление о большой культурной и научной деятельности всей семьи Рерихов, читала о знаменитой Трансгималайской экспедиции Рерихов в сердце Азии, была горячей поклонницей творчества Рерихов-художников — Николая Константиновича и Святослава Николаевича. Однако сведения об ученом-востоковеде Юрии Николаевиче Рерихе появлялись у нас

лишь в специальной литературе и широкому кругу читателей были недоступны.

Это натолкнуло меня на мысль обратиться к биографу Рерихов, одному из авторов книги «Н. К. Рерих» из серии «Жизнь замечательных людей», которая вышла в Москве в 1973 году, — к Павлу Федоровичу Беликову. Я написала ему письмо в Таллин и сразу же получила ответ. Павел Федорович сообщил мне, что лично переписывался с Николаем Константиновичем, хорошо был знаком с Юрием Николаевичем и может ответить на мои вопросы.

Интервью, которое предлагается теперь вниманию читателей, сложилось не сразу, не в один присест. Со дня нашего первого знакомства с Павлом Федоровичем Беликовым прошло уже восемь лет, и потому вопросы, которые я ему здесь задаю, несут на себе отпечаток этих лет. Сам Павел Федорович, отвечая на поставленные вопросы, старался осветить их как можно полнее. Возможно, он предчувствовал, что это будет его последним словом памяти Юрия Николаевича — вскоре после выхода в свет первой публикации этого интервью в журнале «Огонек» Павел Федорович Беликов ушел из жизни после продолжительной болезни.

В этой публикации дается полный текст интервью П. Ф. Беликова, сделанного им незадолго до его кончины.

Юрий Николаевич Рерих ушел из жизни уже более двадцати лет тому назад, с его научными трудами и широкой научной и общественной деятельностью знаком теперь достаточно большой круг людей, но мы по-прежнему очень мало знаем о нем самом. Быть может, предлагаемые воспоминания помогут оживить некоторые черты этого замечательного человека, хотя мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что это только первая попытка воссоздать светлый облик нашего соотечественника, выдающегося ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха.

— Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Юрием Николаевичем Рерихом?

— Впервые я встретился с ним только по приезде его в Москву, в 1957 году. Но по переписке, заочно, знал его много раньше. Еще в 1938 году Николай Константинович Рерих написал мне, что они разыскивают книгу Поппе «Грамматика монгольского языка», изданную в том же году в Ленинграде. Сам я работал тогда в «Международной книге» в Таллине, в представительстве советской книги; я достал требуемую книгу и предложил свои услуги по ознакомлению с советской научной литературой, поскольку заказывал ее для Эстонии и следил за всеми каталогами вплоть до «Книжной летописи». Вскоре пришло письмо от Юрия Николаевича с благодарностью за предлагаемую помощь в получении нужных изданий из первых рук — в то время Индия была еще английской колонией и прямых контактов с Советским Союзом не имела. К письму Юрия Николаевича был приложен список разыскиваемых им книг.

— Получается так, что вы познакомились «заочно» с Юрием Николаевичем благодаря Николаю Константиновичу Рериху. Ну а как же началась ваша переписка с самим Рерихом? Ведь, насколько мне известно, он посетил последний раз Европу в 1934 году, да и то лишь проездом останавливался во Франции. Какой повод был у вас, чтобы обратиться к нему?

— Честно говоря, никакого. Какой достаточно «весомый» повод может быть у 25-летнего молодого человека, чтобы обратиться с письмом к всемирно известному художнику, ученому и общественному деятелю? Я действительно очень любил искусство Рериха, высоко ценил его научную, культурную и общественную деятельность, иногда выступал с докладами о нем и хорошо знал, что таких, как я, тысячи в нашем огромном мире. Поэтому при всем своем большом желании я и не помышлял сам написать к нему.

— И все-таки?..

— Все-таки произошло нечто такое, что можно назвать одним из «чудес Востока». В один прекрасный день я обнаружил в своем почтовом ящике письмо из Индии от... Николая Константиновича Рериха. Можно было, конечно, поверить в «чудо», однако все «чудеса», связанные с Рерихом, имеют, как правило, вполне реальную почву. Позднее из переписки с ним я догадался, что обо мне Николаю Константиновичу сообщил один литератор, проживавший в Таллине. У самого этого литератора отношения с Рерихом складывались неважно, и, казалось бы, не могло быть ничего хуже, нежели его рекомендация. Однако Николай Константинович почему-то счел нужным послать мне письмо. Это письмо Рериха очень вдохновило меня и послужило толчком для того, чтобы начать собирать материалы о его жизни, творчестве, деятельности. Так постепенно, с годами у меня сложился большой архив, которым сейчас широко пользуются наши искусствоведы. Этот архив позволит мне

написать биографию Н. К. Рериха и принимать активное участие во всем, что связано с творческой деятельностью всех членов его семьи. Однако мы отклонились от нашей основной темы — беседы о Юрии Николаевиче.

— Да, так всегда получается — о ком бы из Рерихов ни зашла речь, невольно переключаясь на остальных членов семьи; но мне думается, в этом есть своя закономерность — уж очень тесно связаны они в своей культурной деятельности и очень близки друг к другу духовно.

— При этом следует отметить, что каждый из них отличался яркой индивидуальностью не только в своем творчестве, но и по своему характеру. Да и внешне они мало походят друг на друга, хотя в каждом можно сразу признать одного из Рерихов.

— Чем же отличался Юрий Николаевич? Что бы вы сказали о его облике, о наиболее свойственных ему чертах характера?

— Вообще говорить о нем трудно, но вместе с тем и легко. Трудно потому, что Юрий Николаевич Рерих был очень многогранным человеком. Я бы даже сказал — неожиданно многогранным. Круг его интересов распространялся далеко за пределы той научной области, в которой он работал. Неожиданно для себя вы вдруг открывали, что ему близки и он прекрасно ориентируется в вопросах, ничего общего с лингвистикой или востоковедением не имеющих. С другой стороны, говорить о Юрии Николаевиче легко или даже скорее радостно, потому что воспоминания о нем всегда окрашены тем воодушевлением и радостью, которые он нес людям; общение с ним, как мне кажется, у любого человека складывалось легко.

При первом знакомстве на вас прежде всего производила впечатление необыкновенная подвижность Юрия Николаевича, его мгновенная реакция на окружающее — и это при полнейшем отсутствии каких-либо признаков суетливости. Довольно редкое сочетание человеческих качеств, не правда ли? Это качество Юрия Николаевича подтверждают и его фотографии — среди них нет или почти нет похожих одна на другую. Конечно, подвижность исчезает в статическом моменте фотоснимка, ее можно уловить лишь при живом общении с человеком. Интересен, например, такой факт: когда у Святослава Николаевича спросили, почему он, создавший столько замечательных портретов Николая Константиновича и Елены Ивановны, не написал ни одного портрета Юрия Николаевича, он ответил, что Юрий Николаевич был совершенно не способен позировать — его постоянно отвлекали другие дела, к которым он устремлялся как внешне, так и внутренне, всеми своими помыслами. И потому было сделано лишь несколько эскизов и ни одного законченного портрета.

— Как известно, Юрий Николаевич был большим ученым-лингвистом и востоковедом. Вероятно, это как-то отражалось на его общении с другими людьми, на укладе его жизни?

— На укладе жизни, возможно, отражалось. Он очень много времени уделял научным дисциплинам, непосредственно связанным с его работой, следил за всеми смежными областями, собрал уникальную библиотеку и вообще стремился быть в курсе всего, что предлагала мировая наука в области востоковедения. Но в общении с людьми Юрий Николаевич был очень скромный человек и не выставлял своих знаний напоказ. Все его обширные знания тонули в той душевной теплоте, в той деликатности, с которой он обращался к людям. Он был одинаково внимателен и участлив ко всем, с кем он соприкасался, и для него не имело значения, чем конкретно занимается данный человек, близкой ли к его интересам наукой или нет. В человеке он прежде всего искал человека и именно к нему обращался, ну а все остальное, как-то: образовательный ценз, занятия, национальность, мировоззрение — всё это отодвигалось на второй план. Если чего и опасался Юрий Николаевич, так это того, как бы незаслуженно не обидеть человека. Таким образом, главным в его обращении с людьми было проявление деликатности. Однако из этого не следует делать вывода о мягкости его характера, о готовности уступать и жертвовать своими убеждениями. Мы привыкли обычно связывать деликатность с мягкотелостью. Между тем качество деликатности скорее указывает на отсутствие грубости в характере человека. Могу подтвердить, что от любого проявления грубости Юрия Николаевича просто коробило.

— Да, у вас уже вполне сложившийся «образ» Юрия Николаевича Рериха; вы пришли к этому на основании длительного общения с ним или после глубокого изучения биографических материалов?

— Скорее всего имеет место и то и другое. Непосредственного личного общения с Юрием Николаевичем у меня было не так уж и много. Жил я в Таллине, а в Москве бывал только «наездами», что не позволяло мне видеться с ним часто. Правда, недостаток личного общения восполнялся

перепиской. Однако ключ к разгадке человеческой сущности лежит все-таки в личном общении. Откровенно говоря, если бы мне не довелось лично повстречаться с Юрием Николаевичем, у меня сложилось бы о нем иное мнение. И сколько бы я ни изучал его жизнь и деятельность по документам, я бы, наверное, не смог почувствовать того, что непередаваемо на бумаге, — удивительного обаяния личности Юрия Николаевича. В интонации каждого его слова, в каждом жесте его заключалось обаяние, покорявшее собеседника; это обаяние, углубляя смысл слов, придавало особую интимность и доверительность вашему общению. Вероятно, каждый собеседник думал, что такое отношение было проявлено только к нему. Однако это был обычный подход Юрия Николаевича к людям, окружавшим его.

— Не могли бы вы припомнить обстоятельства, при которых произошла ваша первая встреча с Юрием Николаевичем?

— Конечно, могу; хотя со дня его кончины прошло более двадцати лет, образ его стоит передо мной, как живой. Да и почти такой же период отделял начало моей переписки с ним от того момента, когда в 1957 году, приехав в Москву, я позвонил Юрию Николаевичу. Трубку поднял он сам. Назвав свою фамилию, напоминая, что я тот, кто высылал ему когда-то советские издания. Однако напоминание оказалось излишним — Юрий Николаевич отличался завидной памятью. Он сразу назвал меня по имени и отчеству, спросил, где я нахожусь и не могу ли сразу к нему подъехать. Дело было к вечеру, я взял такси и через полчаса был возле дома на Ленинском проспекте, где была его квартира. Юрий Николаевич уже ждал меня. Он открыл двери на мой звонок, мы поздоровались, и он провел меня в свой кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, царил полумрак, горела лишь настольная лампа на большом письменном столе. Показав на полки с книгами, Юрий Николаевич сказал: «Чувствуйте себя как среди старых знакомых — среди книг много тех, которые вы посылали мне. Они вернулись на свою родину вместе со мной». Проговорив это, он обнял меня за плечи и усадил на стул. Тут я впервые почувствовал то обаяние, которое исходило от Юрия Николаевича и от всей окружающей его обстановки и которого, конечно, никогда не познаешь даже при самом тщательном изучении документов о человеке. В тот незабываемый момент сразу исчезли все разделяющие нас перегородки. Мне показалось, что я уже очень давно сижу в этом уютном полумраке кабинета, и без всякого напряжения между нами потекла сердечная беседа давно не видевших друг друга людей.

— И о чем же, если не секрет?

— Разговор начал Юрий Николаевич. Он подробно расспросил меня, как прожил я эти годы, как отозвалась в моей жизни война. Узнав о всех бедах и опасностях, которые мне, как и большинству советских людей, пришлось испытать, Юрий Николаевич сказал: «Если вы остались в живых после всего этого, значит, вы будете еще нужны. Я считаю, что все, испытавшие на себе с риском для жизни это трудное время, пригодятся еще для чего-то важного. Надо так сделать, чтобы пригодиться. Жизнь была продлена авансом, а всякий аванс нужно погашать делами». Затем я расспросил Юрия Николаевича о неизвестных мне деталях из их жизни, и разговор незаметно перешел на более общие темы. Тут Юрий Николаевич как радушный хозяин предложил пройти в столовую выпить чашку чая. Но, признаться, я был так взволнован этой первой нашей встречей, так не хотелось мне разбавлять ее чем-то обыденным, что от чая я отказался, объяснив причину своего отказа. Юрий Николаевич понял мое состояние и не настаивал на чаепитии. Он зажег верхний свет и стал показывать незнакомые мне картины Николая Константиновича. Особенно сильное впечатление произвело на меня полотно «Гэсэр-хан». Эта картина, созданная в 1941 году, была подарена Юрию Николаевичу ко дню рождения его отцом. Мне сразу открылась близость данного сюжета натуре Юрия Николаевича. Как и Гэсэр, он был по складу своего характера воин. Внешний вид кабинетного ученого был лишь доспехом этого воина. Его деликатность была не чем иным, как оружием против царящей в мире грубости. Он не считал, что подобное изживается подобным.

На картине всадник с натянутою тетивой лука, верхом на гордом, благородном коне целился очень далеко — куда-то в пылающее красным заревом небо. Это был скорее вызов грядущему, нежели преследование какого-либо врага. Смотреть далеко вперед и быть готовым вступить в бой за лучшее будущее человечества — таким качеством наделил своего героя Гэсэра монгольский народ. Это качество в полной мере было свойственно и Юрию Николаевичу Рериху.

Моя первая встреча с Юрием Николаевичем затянулась почти до полуночи. Вообще, что греха таить, все мы злоупотребляли его гостеприимством — уж очень трудно было от него уходить.

— Скажите, пожалуйста, а какие темы вы затрагивали с ним в последующих беседах? Как он расценивал современность? Интересовался ли устремлениями молодежи?

— Думать о будущем и не интересоваться молодежью — это было бы пустой фантазией. Юрий Николаевич отнюдь не был фантазером — он исходил всегда из современного положения и, зная, что конкретными носителями будущего являются новые поколения, трезво оценивал нашу молодежь. Когда однажды я спросил у него, как он относится к излишней жажде материальных благ у молодежи, к погоне за «красивой жизнью», он ответил мне: «В этом нет ничего страшного. Народ слишком изголодался за войну, хочет жить лучше и порою захватывает лишнее. Один раз должно наступить естественное насыщение или даже пресыщение, и положение изменится. Жажда знаний, потенциал которой очень велик, возьмет верх над потенциалом «красивой жизни». Я верю в это».

Конечно, Юрий Николаевич не идеализировал молодежь, знал, что необходимо преодолеть еще много соблазнов, но он верил, что они будут преодолены. Так, несколько иронически смотрел он на увлечения западными образцами и считал, что такое внешнее подражание внешним и останется, оно не затронет самого главного в человеке, того, что принесла с собою революция, — стремления к справедливости и чувства сопричастности ко всему, что происходит в мире. Юрий Николаевич абсолютно точно отмечал некоторую разбросанность, отсутствие четко намеченных целей у молодежи. Он говорил, что молодые люди часто бросаются на новинку, не разобравшись хорошенько что к чему. Это была чаще всего своего рода погоня за модой, за сенсацией, и Юрий Николаевич не раз говорил с чувством юмора, что жертвой такой «моды» был он сам. Его появление в Институте востоковедения АН СССР вызвало своего рода сенсацию среди учащихся — как-никак человек приехал из Индии! Заниматься у него посчитали нужным многие, и нередко между ним и будущими аспирантами происходили примерно такие диалоги:

— Юрий Николаевич, я хотел бы (хотела бы) попасть к вам в аспирантуру.

— Благое желание. Что же именно вас так интересует? Какие конкретно знания я могу вам передать? Чем лично могу оказать вам пользу?

Тут обычно наступала длительная пауза, которую прерывал совет Юрия Николаевича:

— Знаете ли, лучше подождем еще годик до того, как решать окончательно, к кому вам следует определиться. Подумайте хорошенько над тем, что вам надобно, а тогда уже видно будет — тот ли я человек, который может удовлетворить ваши интересы.

— А может быть, это объяснялось повышенным интересом к личности Юрия Николаевича, ведь он был одним из «Рерихов», что само по себе уже много значило?

— Возможно. Даже, наверное, так оно и было. Но это как раз и не нравилось Юрию Николаевичу. В «повышенном интересе» чаще всего сквозило неприкрытое любопытство, между тем как любопытство и жажда знания — вещи совершенно разные. Сам Юрий Николаевич уже в возрасте пятнадцати лет хорошо знал, чего он хочет и у кого ему следует заниматься. Потому на двадцать первом году своей жизни он имел уже звание магистра индийской филологии. Юрий Николаевич считал, что, прежде чем добиваться чего-то, необходимо четко представить себе, чего именно ты хочешь. А этого как раз и недостает в большинстве случаев нашей молодежи. Для молодых у нас действительно открыты все пути, но это отнюдь не означает, что следует все их испробовать, двигаясь вслепую за «подвернувшимся» случаем.

— Интересно, а как воспринял в целом свою жизнь на родине Юрий Николаевич? Ведь известно, что большую часть своей жизни он провел за рубежом, получил там высшее образование, работал в иностранных институтах. Вероятно, у него были некоторые трудности, чтобы как-то переориентироваться в наших условиях?

— А ему и не нужно было этого делать — Юрий Николаевич остался самим собою, ему это было легко именно потому, что ориентация у него всегда была русская. Он следил за всем, что у нас происходило, ему был совершенно чужд «западный» образ жизни, как и западнические тенденции в мировоззрении, тем более что в семье его всегда пользовались русским языком. Когда я однажды спросил у него, не сказалась ли перемена места и условий жизни на его научной деятельности, он ответил: «В Советском Союзе люди науки имеют все необходимое для своей деятельности и обеспечиваются гораздо лучше, чем в западных странах. Нужно только, чтобы работа их была направлена на пользу своего Отечества».

Это условие, такое естественное для самого Юрия Николаевича, исходило из традиции всей их семьи. В свое время отец его, Николай Константинович Рерих, писал: «...Исполнилось четверть века

наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удавалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг не отклонялись мы от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам. И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих?»

Если все члены семьи Николая Константиновича чувствовали себя странниками, то, оказавшись в России, Юрий Николаевич, конечно, почувствовал себя путником, возвратившимся домой. Мне очень запомнились его слова, сказанные им о судьбах России: «Ни одна капля крови, пролитая в революцию или в последнюю войну, не должна быть напрасно пролитой кровью. За это мы все в ответе».

— У Юрия Николаевича, вероятно, было сильно развито чувство ответственности?

— Безусловно. За все содеянное человек должен отвечать, и если он будет об этом знать заранее, то меньше будет необдуманных действий. Грешить для того, чтобы каяться, и каяться для того, чтобы спастись, — это Юрий Николаевич считал недостойным человека. Если ты совершил ошибку, подумай, как ее исправить, но от твоего покаяния никому легче не станет. И он считал «отпущение грехов» смертным грехом религии.

— Кстати, как относился вообще к религии сам Юрий Николаевич? Мне приходилось слышать о его приверженности к буддизму. Насколько это отвечало действительности?

— Религиозные предрассудки и церковная обрядность Юрию Николаевичу, как и всем членам семьи Рерихов, были чужды. Он уважал чужие убеждения и те нравственные положения религии, которые соотносятся с общечеловеческими положениями о морали: выработанные веками, они крепко вошли в сознание человека. Например, в Индии религия до сих пор играет подавляющую роль в становлении нравственности, и уважение к ней традиционно. Однако это не означало принадлежности или особой симпатии со стороны Юрия Николаевича к каким-либо церковным институтам. Будучи историком культуры, изучая историю религий, Юрий Николаевич придерживался научного мировоззрения, отличительной чертой которого было самое широкое допущение всего нового. Отрицание и узость, где бы они ни проявлялись — в науке или в религии, — были ему абсолютно несвойственны.

— Павел Федорович, в начале беседы вы упомянули о неожиданных для Юрия Николаевича увлечениях. Не могли бы вы назвать хотя бы некоторые из них?

— Неожиданными они, конечно, были скорее для нас, чем для него самого. Например, нам было бы очень непривычно ожидать от ученого-востоковеда подлинного интереса к военному делу. Между тем Юрий Николаевич серьезно изучал воинское дело на протяжении всей своей жизни. Среди книг его библиотеки были специальные труды о современных методах ведения войны. И интерес этот, что называется, был «врожденным». Как-то в одном из писем ко мне Николай Константинович сообщил о том, что ему попал в руки сельскохозяйственный журнал со статьей агронома Шаховского. Он попросил меня узнать, не Яков ли это Михайлович из Пскова, муж тетки Елены Ивановны, с которым они потеряли связь после революции. Я съездил в Печеры, где проживал указанный Шаховской, и установил, что Шаховские являются близкими родственниками Рерихов. Тогда-то Яков Михайлович и рассказал мне, что один из сыновей Рериха так увлекался в детстве военными, что не иначе как сделал военную карьеру. На это я ответил, что один из сыновей Николая Константиновича — ученый, а другой — художник и оба они ни малейшего интереса к военному делу не имеют. Однако когда я сообщил Николаю Константиновичу о своем разговоре с Шаховским, он ответил мне, что действительно Юрий Николаевич с детства интересовался всем, что касается воинского дела. Позднее я узнал, что в Париже он окончил специальную Офицерскую школу, что во время азийских экспедиций он организовывал их военную охрану по всем правилам и что он до сих пор следит за всеми новинками тактики и стратегии воинского дела. Таким образом, когда в начале Отечественной войны Юрий Николаевич подал заявление на имя нашего посла в Лондоне И. М. Майского о готовности вступить добровольцем в ряды Красной Армии, он имел соответствующую подготовку и двигало им не одно только патриотическое чувство. Мне не раз приходилось говорить с Юрием Николаевичем об опасности новой войны. В эту возможность он не хотел верить, но не исключал такого безумия со стороны врагов Советского Союза. Юрий Николаевич был истинный патриот своей

Родины. «Молодежь должна быть ко всему готова», — говорил он.

— Юрий Николаевич получил большую известность как лингвист-востоковед. Не могли бы вы рассказать, что он сделал в данной области и каков был его путь ученого?

— Путь его был весьма прямолинеен и в то же время достаточно широк. Юрий Николаевич отнюдь не относился к узким специалистам, избравшим одну часть обширной науки востоковедения. Он являлся скорее энциклопедистом в области истории культуры большого региона, охватывающего на севере Сибирь, на юге Индию, на востоке Японские острова и на западе Балканы и Египет. Еще будучи гимназистом, он занимался у известного русского египтолога Б. А. Тураева и у монголоведа А. Д. Руднева. В Лондоне он поступает в индо-иранскую школу восточных языков при Лондонском университете, где получает звание бакалавра индийской филологии. Свое образование Юрий Николаевич завершает во Франции, где совершенствуется в санскрите, тибетском и монгольском языках, слушает курсы китайского и персидского языков. Среди его учителей были всемирно известные востоковеды Д. Росса, Ч. Ланман, С. Леви, А. Масперо, В. Минорский и другие. Юрий Николаевич поражал широтой своих историко-культурных интересов, которые получили дальнейшее развитие и благодатную почву для применения в экспедициях, предпринятых в Азии его отцом. Юрий Николаевич в совершенстве владел русским, английским, французским, немецким, греческим, латинским, тибетским, монгольским, санскритским, пали, хинди, иранским языками, знал китайский, испанский, итальянский и многие другие языки и местные наречия. Ему были доступны любые первоисточники, так же как и разговорный язык в живом общении с аборигенами исследуемых стран.

Широкую известность приобрели работы Юрия Николаевича: «По тропам Срединной Азии» — книга переведена на французский язык и недавно (в 1982 году) появилась на русском; «Звериный стиль у кочевников Тибета»; «Голубые Анналы» — в обширном предисловии к этому переводу с тибетского Юрий Николаевич уделяет особое внимание чрезвычайно запутанной хронологии Тибета VII–IX веков, книга стала событием в мировой тибетологии. Он много сделал в этой области, перу его принадлежат четыре монографии по тибетскому языку, в которых прослеживаются фонетические, тональные, морфологические и синтаксические особенности тибетских диалектов на основе живой тибетской разговорной речи. Много сил уделил Юрий Николаевич изучению центральноазиатского эпоса о Гэсэр-хане; писал статьи по археологии, по тибетскому буддизму, народным религиозным верованиям, по истории азиатских стран, фольклору и т. д. Им составлен большой тибетско-санскрито-англо-русский словарь, который подготовлен к печати Институтом востоковедения АН СССР. Известны его исследования культурных связей Индии с другими странами — с Китаем, Тибетом, а также исследования тибетско-китайских отношений, взаимовлияния тибетского и монгольского языков, эллинистические влияния на восточное искусство. Юрий Николаевич изучил также сложнейший буддийский астрологический трактат «Калачакра» и перевел с различных языков Азии религиозные тексты. В 1945 году им была опубликована большая статья «Индология в России», где он разбирает историю возникновения и развития русско-индийских культурных, политических и научных отношений. Помимо того, Юрий Николаевич вел обширную педагогическую и организационную работу.

— Да, ведь он возглавлял организованный его отцом Институт гималайских исследований «Урусвати». Что бы вы могли рассказать об этой деятельности Юрия Николаевича?

— Юрий Николаевич был бессменным директором и участником большинства экспедиций института «Урусвати». Институт этот был единственный в своем роде, занимавшийся комплексным изучением Гималайского региона, и универсальность знаний Юрия Николаевича помогала ему активно руководить сотрудниками. Институт охватывал область археологии и смежных с ней наук и искусств, область естественных наук, включая древнюю и современную медицину и фармакологию, область лингвистики и фольклора. При институте функционировала биохимическая лаборатория, проводились исследования космических лучей, была собрана обширная библиотека со множеством древних манускриптов, открыт музей, где собирались многочисленные научные находки экспедиций. Издавался ежегодник «Урусвати», отображавший многообразную научную деятельность института. «Урусвати» обменивался научной информацией с 285 институтами, университетами, музеями, научными учреждениями всего мира. Координировать всю эту работу и руководить ею было непросто, однако Юрий Николаевич успешно справлялся со своими обязанностями. В 1940 году «Урусвати» пришлось законсервировать, так как вторая мировая война нарушила все международные связи.

— Как же сказались на научной работе Юрия Николаевича консервация института «Урусвати»?

Ведь он лишился привычной базы для своей деятельности?

— Видите ли, чисто научная деятельность Юрия Николаевича пострадала мало. Работа в «Урусвати» отнимала много времени на организационные вопросы, а после того, как необходимость в этом отпала, можно было посвятить больше времени систематизации собранных материалов и подготовке к печати собственных трудов. После кончины Николая Константиновича в 1947 году Юрий Николаевич уезжает из Кулу и продолжает свою научную деятельность в Калимпонгском институте, где сотрудничает с известным индийским тибетологом Рахулой Санкритаяна. К этому времени относятся публикации важнейших трудов Юрия Николаевича по тибетологии и буддизму.

В 1957 году осуществилась наконец заветная мечта Юрия Николаевича — переезд на родину. Началась его научная деятельность в Институте востоковедения Академии наук СССР, где он возглавил сектор истории религии и философии Индии и занял ведущее место в советской тибетологии. За короткий срок своей работы в институте Юрий Николаевич подготовил к печати и отредактировал много статей на различные темы и несколько книг. В мае 1960 года, в разгар интенсивной работы, Юрий Николаевич неожиданно для всех ушел из жизни...

— Да, это было очень неожиданно и скоростижно. Известны ли вам подробности его болезни и кончины?

— Случилось так, что за три дня до этой роковой даты — 21 мая — я приехал в Москву. В те дни в Москве находился и Святослав Николаевич с Девикой Рани Рерих. Он приехал со своей первой выставкой в Советский Союз, подготовил его приезд Юрий Николаевич. Ничто не предвещало печального конца. Вечером мы ужинали у Юрия Николаевича. Он был, как всегда, весел и оживлен. Я засиделся у них после ужина. Разговаривали на разные темы. Помню, как я подошел к репродукции с картины Николая Константиновича «Ангел Последний» и Юрий Николаевич поведал мне историю возникновения этого сюжета. На картине изображен «последний суд» и объятая пламенем Земля. Я спросил: «Неужели из-за последних достижений в науке наша планета не заслуживает лучшей доли, нежели быть расколотой пополам атомным взрывом?» — «Нет! Этого не должно случиться! Здравый смысл восторжествует, и опасность будет отведена», — услышался категорический ответ Юрия Николаевича. Он был несколько усталым, но энергичным; говорили мы в основном о планах на будущее.

На другой день, то есть накануне его кончины, Юрий Николаевич опять приглашал меня, но я был занят в тот вечер. Конечно, если бы я знал тогда, что увижу его в последний раз, я бы отложил все свои дела. Но, как говорится, «не знаем ни дня, ни часа»... И мы стоворились встретиться у него на квартире на следующий день, к вечеру.

Когда через день я пришел к назначенному часу, на звонок дверь открыл Святослав Николаевич. Он встретил меня словами: «Час тому назад умер Юрий Николаевич». Меня буквально сразили эти слова. Святослав Николаевич провел меня в спальню, где на простой походной кровати, на которой обычно спал Юрий Николаевич, лежало его бездыханное тело. Вскоре прибыл вызванный из клиники Склифосовского автомобиль, я помог положить тело на носилки, и мы вынесли его из навсегда опустевшей квартиры, в которую я входил всегда с великой радостью. В тот же вечер квартиру посетили индийский посланник, представители Института востоковедения и другие лица, желавшие выразить свое соболезнование Святославу Николаевичу и Девике Рани.

— Кто же был с Юрием Николаевичем в последние минуты? Какая помощь была ему оказана и что показало вскрытие? Я слышала, что с ним жили приемные дочери Н. Рериха, не могли же они оставить Юрия Николаевича без присмотра?

— Прежде всего необходимо внести уточнение о «приемных дочерях». Вокруг имени Н. К. Рериха складывалось всегда много легенд, и легенда о «приемных дочерях» уже посмертного происхождения. Дело в том, что во время обратного маршрута экспедиции Рерихов в Индию в Урге в состав ее была включена Л. Богданова — женщина 23 лет, о чем имеется соответствующая запись в «Ведомостях служебного состава экспедиции», из коей следует, что ей причиталось получить 700 ам. долларов по окончании маршрута. С согласия Рериха Л. Богданова взяла с собою тринадцатилетнюю сестру. По окончании экспедиции сестры Богдановы остались служить у Рерихов — им было поручено ведение хозяйства. Они вернулись в СССР только в 1957 году вместе с Юрием Николаевичем. Никаких разговоров об удочерении вполне взрослых женщин Н. К. Рерих никогда не заводил и всегда представлял свою семью состоящей из жены и двух сыновей.

Сестры Богдановы действительно присутствовали при кончине Юрия Николаевича. Еще

накануне вечером он почувствовал боли, но приписал их позднему ужину. Наутро боли не стихли. Вызвали ведомственного врача. Врач предложил сделать укол, укрепляющий сердечную деятельность. От укола Юрий Николаевич отказался. Врач обещал навестить еще раз. Разыскали постоянного доктора Юрия Николаевича. Тот, не найдя ничего угрожающего, дал лекарства, успокаивающие боли, и тоже ушел. Когда Юрию Николаевичу стало хуже, около него были лишь сестры Богдановы. Перепуганные женщины, конечно, не могли ничем ему помочь. Явившемуся вторично ведомственному врачу пришлось уже констатировать летальный исход. Медицинское вскрытие показало лишь следы атеросклероза, на что раньше Юрий Николаевич не жаловался.

— Вероятно, Святослав Николаевич очень переживал кончину брата. Ведь он оставался последним в семье, и на него ложились тяжелые заботы?

— Конечно, смерть Юрия Николаевича принесла ему большое горе. С тех пор, как они виделись последний раз в Индии, прошло почти три года. Много накопилось того, чем хотелось бы поделиться друг с другом. Многие важные разговоры во время первых встреч откладывались. И вот теперь они уже никогда не могли состояться. Кроме того, намечалась совместная поездка в Ленинград, где также открывалась выставка Святослава Николаевича. Ленинград — город, где прошли детские и юношеские годы всех Рерихов. С грустью смотрел Святослав Николаевич из окна гостиницы «Астория» на Исаакиевскую площадь. Их квартира была совсем рядом, а дорога в гимназию, по которой они ходили с братом, пересекала площадь. Вероятно, ему вспоминались те далекие годы и думалось о том, что ушло безвозвратно. Но смерть — это смерть, а жизнь — это жизнь, и она требует к себе живого отношения. Внешне Святослав Николаевич оставался таким же спокойным и выдержанным, как и всегда. По его распоряжению уникальная библиотека брата была передана Институту востоковедения, и там был организован кабинет имени Ю. Н. Рериха, функционирующий и поныне. По ходатайству же Святослава Николаевича за сестрами Богдановыми была пожизненно закреплена квартира, где жил Юрий Николаевич, самим сестрам определены пенсии. Судьба культурных ценностей и предметов искусства, которые годами собирала их семья, пока еще остается открытой. По мысли Святослава Николаевича, они должны принадлежать русскому народу.

Мне навсегда запомнились слова Святослава Николаевича, сказанные им по случаю скоропостижной кончины брата: «Он ушел из жизни полный творческих сил и неосуществленных планов. Когда-то такой же неожиданной для нас была и смерть отца. Но потом мы поняли, что, быть может, так и следует оставлять жизнь, т. е. уходить из нее на подъеме своих возможностей, уходить, так сказать, на гребне волны. Подхваченные другими, все начатые дела будут продолжены».

Жизнь Юрия Николаевича не знала спадов, и покинул он ее на стремительном взлете волны. Прошло свыше двадцати лет со дня его ухода, и мы можем теперь подтвердить, что начатые им дела нашли свое продолжение, а имя его высоко поднято отечественной наукой и навечно останется вписанным в ее анналы.

*Декабрь, 1981
Москва — Таллин*

Братство

В ноябре 1982 года, в связи с 80-летием Ю. Н. Рериха, в Москве гостили Святослав Николаевич Рерих с г-жой Девикой Рани Рерих. Они посетили выставку «Произведения искусства Востока из коллекции Юрия Рериха» в Государственном музее искусства народов Востока, в которую вошли экспонаты музея, Государственного Эрмитажа и Кабинета имени профессора Ю. Н. Рериха Института востоковедения АН СССР. В беседах с москвичами и гостями столицы Святослав Николаевич ответил на многочисленные вопросы, а также поделился своими планами возобновления работы Гималайского института «Урусвати». Ниже приводятся записи бесед со Святославом Николаевичем Рерихом — его ответы на вопросы, заданные ему в лектории музея, а также во время личной встречи в гостинице «Советская».

— Какова судьба и каковы планы возобновления работы института «Урусвати»?

С. Н.: Планы следующие. Мы уже беседовали с болгарскими коллегами², которые хотели начать

---

² Перед приездом в Москву Рерихи гостили в Болгарии, где также широко отмечался юбилей Ю. Н. Рериха.

научные работы в «Урусвати» и создать там центр — основу, которая была бы, с одной стороны, современным научным центром и в то же время продолжала работу Николая Константиновича, Юрия Николаевича и всей нашей семьи. Я думаю, что это желание скоро осуществится.

Что главным образом там будет изучаться? Это местные системы медицины, которые интересны именно там, потому что долина Кулу расположена на пересечении аюрведической, китайской и восточнотибетской традиций, которые были в Кашмире, в Западных Гималаях и в этой долине и группе других долин. Так что мы хотели бы сосредоточиться сейчас на изучении именно этих систем. Там у нас большие фармакологические и ботанические коллекции. С давних времен долина Кулу славилась травами, которые вывозили отсюда. Так, например, известное в Древнем Риме лекарство *нарт* приготавливалось из корней растения этих мест — нардостахим джатаманси. В VII веке китайский путешественник, описывая долину Кулу, говорил, что она славится именно лекарственными травами. Перед моим отъездом из Болгарии мы беседовали о том, что многие греки тоже были в Индии, шли в Индию искать. Почему? Потому что они считали, что именно в Индии можно найти знания, которые были недостижимы в их стране. Известно, что Пифагор посещал Индию в поисках этого знания, и в Индии осталась память о нем в имени «Учитель Грец». Значит, с очень ранних времен Индия накопила драгоценные знания... Долина Кулу, где работали Николай Константинович, Юрий Николаевич, интересна тем, что в ней сосредоточена богатейшая флора и фауна. Она интересна и с точки зрения геологии: здесь имеются и архейские системы и кристаллические, которые создали интересные места для изучения кристаллов и древних сланцев; кроме того, окаменелости моря, которые находят на высоте около четырех тысяч метров, доказывают, что море двигалось — поднималось и опускалось, в результате получились эти отложения, которые теперь там находим. Все это говорит о целесообразности исследований в этих местах.

— Индия и Советский Союз давно живут по законам братства и взаимопонимания. В этой связи расскажите, пожалуйста, о ваших встречах с Джавахарлалом Неру.

— Вся наша семья всегда мечтала о том, как лучше сблизить русский народ и Индию. Это были мысли, которыми мы все жили и которые мы хотели видеть осуществленными как можно скорее. Помню, как мы впервые встретились с Джавахарлалом Неру. Он тогда только что вышел из тюрьмы и жил в Бомбее у сестры. Мы сидели вместе и беседовали, я сказал ему о заветной мечте Николая Константиновича сблизить наши народы. Помню, с каким интересом Джавахарлал Неру слушал об этом и сказал: «Но как это провести в жизнь, как это осуществить?» И тогда родилась мысль, что перебросить мост между Советским Союзом и Индией можно сначала по культурным линиям; условия тогда были еще совсем другие. Это был 1942 год. Я попросил его приехать к нам в Кулу, чтобы они могли побеседовать с Николаем Константиновичем, ну и я хотел еще воспользоваться этим случаем и написать его портрет. Вскоре была сессия индийского Конгресса в Аллахабаде, я остановился у Неру, и мы каждый день обсуждали все эти интересные вопросы. Мы решили ехать в Кулу в мае месяце. Договорились встретиться с Джавахарлалом Неру в Лахоре и оттуда ехать в Кулу. Он приехал в Лахор с дочкой, с сопровождавшим его секретарем и еще одним другом семьи. Это было его первое путешествие в наши горы, никогда раньше он не бывал в этом районе. И вот мы ехали вместе, и на всех перекрестках нас встречали толпы людей, которые хотели побеседовать с Джавахарлалом Неру. Время было тревожное, и мы очень медленно двигались по дороге. На ночь остановились в маленьком княжестве, где была беседа с местными литераторами, а на следующий день приехали в Кулу.

Неру провел у нас дней двенадцать, мы ездили с ним по долине, она ему очень понравилась, и он ее полюбил. Каждый день он беседовал с Николаем Константиновичем, Еленой Ивановной, Юрием Николаевичем, а я писал его портреты и написал два или три портрета. Он очень хорошо мне позировал — ведь для большого, настоящего портрета ему приходилось стоять, и мы с ним, конечно, подружились, это были, так сказать, основы наших контактов. Николай Константинович обсуждал с Неру планы, как на культурных основаниях перебросить мост между нашими странами. Самыми лучшими были культурные связи, и мы видим: в жизни они и остаются самыми надежными.

Как вы знаете, Джавахарлал Неру был исключительным человеком — он был, с одной стороны, большим писателем и поэтом и, с другой стороны, политическим деятелем. Он любил свою работу, любил народ, контакты с народом.

Неру был бесстрашный человек, он абсолютно ничего не боялся и в самые трудные моменты никогда не терял равновесия и всегда стремился сделать что-то особенное, необычное — то, что нужно

было именно для этого момента.

Джавахарлал Неру много лет, вплоть до самой своей кончины, оставался нашим близким другом. Перед самой его смертью мы послали ему черешни и вишни, которые растут у нас, и, как мне передали, открыв глаза, он сказал: «Мне кажется, они лучше даже кашмирских».

Я счастлив, что судьба свела меня с таким замечательным человеком, как Джавахарлал Неру. Уважение и восхищение древней культурой Индии, ее народом, которые отличали нашу семью, тоже находили отклик в сердце великого сына Индии. Глубоко интересовался он дружескими связями своей страны и России, Советского Союза.

Николай Константинович и Елена Ивановна были живым мостом между Россией и Индией, в них сочетались великий патриотизм и любовь к Родине с любовью к замечательной древней стране — Индии.

«Во имя светлого труда»

«...Ведь у них следующая задача — красота жизни. Разве это не чудо?»

(Из письма Н. К. Рериха к Р. Я. Рудзитису, 12.X.1936 г.)

«...Мыслить о лучшем будущем... не отвлеченность, но повелительный зов к улучшению жизни». Это строка из письма выдающегося деятеля культуры XX века Николая Константиновича Рериха, присланного в Ригу с Гималаев в декабре 1935 года. Рериховских писем всего около четырехсот, и хранятся они в семье Рихарда Яковлевича Рудзитиса (1898–1960 гг.) — поэта, писателя, деятеля культуры.

Небольшая квартира на окраине Риги, где живут жена и дочь поэта, вместила в себя целый мир, вместила прошлое и будущее. Здесь, в опрятных светлых комнатах, уставленных сверху донизу книжными полками, помимо личного архива поэта, хранятся интереснейшие материалы, раскрывающие широкую деятельность Общества Рериха в Латвии, — письма, документы, книги, изданные обществом, монографии и альбомы о художнике-гуманисте — от первых дореволюционных изданий до наших дней.

В мою задачу не входит описание всего семейного архива Рудзитиса, который давно уже привлекает внимание историков, искусствоведов, исследователей жизни и творчества Рериха. Мне хочется дать лишь общее представление о ценностях, что здесь хранятся, и рассказать об истории их возникновения.

Вот уникальная рукопись пьесы Н. К. Рериха «Милосердие», написанной им осенью 1917 года. Автор назвал ее «наивным народным действием», центральная проблема ее — спасение знания, на которое обрушились темные силы. В пьесе использован индийский фольклор, и заканчивается она вольным переводом стихотворения Р. Тагора. Из рассказа Святослава Николаевича Рериха известно, что в эти годы Николай Константинович глубоко изучал восточную философию. За четыре дня до начала работы над пьесой он записал в дневнике: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество, и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый».

Впервые пьеса Н. К. Рериха «Милосердие» была напечатана в альманахе «Современная драматургия» (№ 1, 1983 г.). Рассказывая на страницах журнала об истории ее создания, Святослав Николаевич Рерих сказал: «Мой отец написал несколько пьес, но все они, за исключением пьесы «Милосердие», пропали, потому что большая часть архива была выслана из Финляндии в Лондон, но так и не дошла... Пьеса «Милосердие» попала в собрание руководителя Общества Рериха в Латвии поэта Рихарда Рудзитиса».

И вот я в гостях у дочери поэта, искусствоведа Гунты Рихардовны Рудзите. Держу в руках пожелтевшие от времени листы манускрипта, написанные великим художником. Строгий, убористый почерк, неизменная черная тушь, одна-две поправки. Прошу Гунту Рихардовну рассказать подробнее о том, как попала эта рукопись в архив семьи. Так слово за слово узнаю о глубоких связях семьи Рерихов с Прибалтикой, о латвийском Обществе Рериха, существовавшем в Риге в 30-е годы.

Что же это за общество и как оно возникло?

В 1920 году в Лондоне Рерихи познакомились с рижанином Владимиром Анатольевичем Шибаевым, и вскоре он стал их личным секретарем. В последующие годы Шибаев писал под диктовку художника его статьи, письма, очерки, а также вел переписку со многими обществами Рериха. В 1924

году он на время покидает Индию, где Рерихи готовятся к большой экспедиции в Центральную Азию, и приезжает в Ригу. С собой Шибаяев привозит литературные труды Н. К. Рериха, большинство из которых вошло в изданную здесь книгу художника «Пути благословения». Книга была выпущена издательством «Алатас», созданным по идее Рериха в международном сотрудничестве, — оно имело свои отделения в разных странах мира. Во вступительном слове «от издательства» говорилось: «Книгоиздательство «Алатас», возникшее необыденно и устремленное к целям необыденным, с особым чувством выпускает в свет эту книгу... Именно к молодым и новым людям направлены благие мысли автора «Пути благословения». Убедительно и бодро, к истинному пониманию красоты, к подвигу веселого труда зовет Рерих. И слова свои он первый обращает в действие примером собственной редчайшей самодеятельности, неустанного труда и подвига».

В Риге Владимир Шибаяев заведовал небольшим магазином зарубежной книги по науке, философии и общественным вопросам. Здесь и произошла первая встреча его с врачом Феликсом Лукиным, будущим основателем Общества Рериха в Риге; здесь рассказывает Владимир Шибаяев своему новому другу о художнике Рерихе, о широкой культурной деятельности всей их необыкновенной семьи. А начиная с 1926 года в приемной у врача Феликса Денисовича Лукина стал собираться небольшой кружок единомышленников, увлеченных восточной философией, медициной, новыми открытиями науки, утверждением красоты и культуры в современной жизни. Начинается переписка с Рерихами, и в 1930 году уже официально оформляется Общество Рериха, которое может теперь более свободно осуществлять свои прогрессивные действия — борьбу за подписание Пакта Рериха об охране культурных ценностей, борьбу за права женщин в буржуазном мире, за сближение народов путями культуры, за расширение связей с Советской Россией. Именно в это время Лига Культуры, объединившая все подобные общества Рериха в разных странах, определила и пять секций, обязательных для таких обществ, — это секции этики и философии; науки; искусства; Пакта Рериха и женская секция. Ф. Д. Лукин был незаурядной личностью, он сумел заложить крепкие основы деятельности общества, при нем был принят и устав, который гласил: «Общество музея Рериха в Латвии основано с целью ознакомления населения Латвии с работами Рериха и развития духовной культуры, чтобы в сотрудничестве с подобными организациями и учреждениями укреплять дружбу народов и взаимное их сотрудничество в области искусства и других проявлений культуры».

После раннего ухода из жизни Ф. Д. Лукина руководителем общества стал Р. Я. Рудзитис. В 1937 году Н. К. Рерих писал своим друзьям в Европу: «Сейчас председатель общества — задушевно истинный поэт Рихард Рудзитис... деятельность латвийского общества должна в каждом культурном человеке вызвать искреннее одобрение. Если вспомним, какое количество книг издано, притом почти все по-русски, за год председательства Р. Рудзитиса, то нельзя не приветствовать эту усиленную светлую работу. А сколько полезных докладов сделано, теперь расширен музей и намечается широкая программа на будущее».

К тому времени, когда в Риге образовалось Общество Рериха, Владимир Шибаяев уже вернулся в Индию и все, что осталось из привезенных им материалов, было передано по просьбе Н. Рериха в архив общества. «Но вот какая интересная деталь, — рассказывает Гунта Рихардовна. — Ведь почти все литературные труды, привезенные Шибаяевым из Индии, вошли в изданную здесь книгу, и все они были отпечатаны на машинке. Манускрипт пьесы «Милосердие» оказался единственным, сохранившимся в рукописном варианте. Мой отец предполагал, что пьесу эту сам Рерих считал незаконченной, потому и не перепечатал. В Ригу же он отправил ее с другими работами для сохранности. Во всяком случае, доподлинно известно, что именно через рижских друзей собирались Рерихи вернуться в тридцатые годы на родину.

— Как познакомился ваш отец с Рерихами и в чем заключалась его работа в рижском обществе? — спрашиваю я.

— Иногда мне кажется, что отец и не мог не повстречаться с ними, так много общего было у них, — говорит Гунта Рихардовна. — Помните напутствие Льва Толстого молодому Рериху, когда художник подарил ему фотографию со своей картины «Гонец»? «Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет», — сказал Толстой. Вот и у моего отца на столе всегда стоял камертон, по которому он любил ударять, как бы напоминая: настраивайтесь на главное! Основным лейтмотивом его жизни была тяга к красоте, огромная жажда сделать совершеннее окружающий мир.

Рихард Рудзитис рано начал печататься, и уже в первых его опубликованных стихах прозвучали восточные мотивы — восточный образ мышления был близок поэту благодаря глубокой связи с

природой. Большое влияние оказали на него также мир Льва Толстого, его восточные новеллы и, конечно, поэзия и философия Рабиндраната Тагора. В 1918 году вышли первые переводы Рудзитиса — двенадцать стихов из «Садовника» Р. Тагора. За ними — переводы Бхагавад Гйты, Упанишад, поэзии Вивекананды, перса Саади; печатаются статьи о Тагоре, о национальном движении в Индии, о Махатме Ганди, об ученом Джагадыше Боше. Всего Рудзитис выпустил 15 статей о Тагоре, переводы 133 его стихотворений, пяти драм, а также философские работы. «Таким, каким он был, он определился уже с детства, можно сказать, с рождения, — рассказывает Гунта Рихардовна об отце. — Ведь и сочинять он начал в детстве, и философское восприятие мира, близкое в чем-то восточному мировоззрению, — все это было в нем уже в самом начале. А эта удивительная тяга к книге — в крестьянском доме, где почти не было книг!.. От своих родителей он унаследовал любовь к труду и понимание природы.

У отца был большой, основательный дневник, страницы которого раскрывают духовную жизнь поэта. Мне хотелось бы открыть страницу от 10 июня 1921 года, когда отец послал письмо Р. Тагору и получил от него ответ.

«Великий Мастер, простите, что потревожил Вас, но когда раскаляется сердце, то душа, доселе молчавшая, вырывается наружу. Всем сердцем отдался я изучению индийской философии, и она захватила мое сознание. Однако я европеец и не могу целиком отбросить европейскую культуру, ощущая необходимость найти и в ней что-то положительное.

Среди грубости и жестокости нашего мира начинают ныне звучать пророческие голоса тех, кто видит и понимает. Однако чаще всего они вызывают лишь еще больше ненависти и разрушения. Да, много темного в мире, но человек не может только ненавидеть, он нуждается в опоре, в твердых знаниях, нуждается в понимании смысла жизни. Лев Толстой был одним из немногих, кто провозгласил победу над хаосом; надо лишь пожелать, и «царство небесное» будет на земле. Но как это осуществить? Как этого достичь, если врожденная грубость тысячелетий гнетет нас, наполняя наши жилы и отравляя нашу кровь? Как хотел бы я стать более совершенным, не поддаваясь волнам этого великого океана жизни, что бросают меня ежечасно на скалы! Я борюсь со своими инстинктами, ищу свое истинное «я» и жажду познания; читал Вашу книгу «Садхана» и ощутил просветление от космической мощи и великой надежды, которую она несет. Первым моим побуждением было понять свою жизнь в свете этой абсолютной радости, и я твердо пытался следовать этому, но потом что-то сломилось во мне — ведь собратья мои живут совсем иной жизнью, им обычно недоступны солнечная мощь и сияние. Большинство из окружающих и не могут жить иначе. Потому простите меня, великий Мастер, что ничего не смог с собой поделаться, кроме как обратиться к Вам с этим жгучим вопросом: что может приблизить человека к истине, если в нем самом нет ни малейшего стремления к этому? Пусть бы таких людей было немного, но ведь их большинство! И если кто-то произносит все же слово «человечество», то сам он не живет этим приобретенным знанием, но идет протоптанной тропой тысячелетий. Уничтожить — легче всего, даже очень большое зло; поучать — тоже легко, даже самым возвышенным заповедям. Но как вдохновить людей? Как создать нового человека? Как зажечь в нем огонь красоты и жажду знания, что соединило бы его со всем миром?..

По национальности я латыш и, как таковой, чувствую на себе ярмо больших наций. Однако я знаю, что и мои собратья в такой ситуации были бы не лучше. Где же найти корень, ось европейской культуры, ее дух? Как преобразить ее и создать заново? Как научить Европу мыслить, чувствовать, жить и верить в совершенство?..

С уважением —

Р. Рудзитис».

(Из дневника Р. Рудзитиса. Вечер, 27 июня 1921 г.)

«Сегодня я испытал одно из самых сильных переживаний в моей жизни. Быть может, что-то похожее было и вчера, на берегу моря, когда писал рассказ «Пробуждение Браммы». Да, я осмелился обратиться со своим криком боли к самому благородному из величайших мира сего. Лев Толстой запутал мой душевный узел еще туже, и я надеялся, что Тагор будет тем, кто его распутает. И вот сегодня утром меня, вернувшегося со взморья в Ригу, ожидало это незабываемое письмо. Конечно, в нескольких словах нельзя было ответить на вопросы, поставленные мною, ведь были затронуты глобальные проблемы, которые нужно было бы совместно обсудить и исследовать. Потому и письмо такое короткое, и все же оно полно жизни и так дорого мне. Вот что он ответил мне по-английски:

«Вена, 17 июня 1921 г.

Дорогой Сэр,

Все, что я могу сделать вдали от Вас, — это написать несколько этих слов, в надежде, что Ваши духовные устремления в итоге поборют все внутренние и внешние трудности. Излишне напоминать, что все проявления истины всегда нуждаются в препятствиях, — великие скульптурные произведения делаются не из воска, а из камня. Люди — художники жизни, и дух человека сотворяет из вещества, инертного и невыявленного в нем, свой мир идеалов.

Рабиндранат Тагор».

Да, Тагор не ответил прямо на крик моей души, но все же он указал путь, по которому идти. На пути правды всегда бывают препятствия и противодействующие силы, но человек может, совершенствуясь, победить и приобрести свободу. Сегодня утром я горячо поклялся, улыбаясь лучам солнца, — поклялся всего себя отдать идее, высшему порыву...»

В 1922 году вышла первая книга стихов Рихарда Рудзитиса — «Песни человека», а в 1923 году — брошюра-эссе «Солнечная культура», посвященная творчеству Р. Тагора. «В этом эссе я не собирался охватить все творчество Тагора в целом, — пишет Рудзитис, — но только показать индийский дух Тагора». Далее он говорит о певце любви Рабиндранате Тагоре, сопоставляя любовь с живительной силой солнечных лучей; он считает, что индийцы обладают этим чувством по самой своей сути, ибо они живут тем, что было понято и признано еще их предками на протяжении многих столетий. Брошюра начинается словами: «Мы входим в новую мировую эпоху. Спираль эволюции вновь делает оборот. Мы поддались морскому отливу и теперь должны подниматься с приливом. Война потрясла мировоззрение человечества, она пожрала большую часть человеческих ресурсов. Люди устали вечно ненавидеть и терпеть страдания. Они устали от забот о пропитании. Европа переживает кризис своей культуры... Правильен ли путь через насилие и погоню за материальными благами? Последняя война показала, что в цивилизованном мире еще столько несправедливости и животных инстинктов, столько грубости и необузданной стихии, что, кажется, за прошедшие тысячелетия человек только растерял свои лучшие возможности... Теперь пришло время новых исканий. Когда на западном континенте показался Рабиндранат Тагор, дверь в индийскую культуру уже была широко открыта для европейской души. Этим, возможно, объясняется, почему ему удалось так быстро нас покорить... Только в единстве со Вселенной, в единстве человеческой души с красотой мира может рождаться спокойствие. В «Гитанджали» Тагор символизирует свои отношения к абсолюту, как отношения невесты к возлюбленному своей души. Это свет, наполняющий и проникающий всю Вселенную... Европейцу открывается дверь новой, еще неведомой культуры».

Интересно отметить, что именно в эти годы произошла знаменательная встреча Р. Тагора с Н. К. Рерихом, перешедшая потом в дружбу. «Исконная любовь к мудрости Востока нашла свое претворение и трогательное звучание в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта... Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов?.. Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире, еще увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице?..» — вспоминал впоследствии художник в своей статье «Толстой и Тагор».

Да, многое объединяло поэта Рихарда Рудзитиса с художником Николаем Рерихом еще задолго до того, как он познакомился с членами Общества Рериха в Риге. В 1928 году к нему обратились из этого общества за помощью в переводе небольшой книги по восточной философии, и вскоре он уже всеми помыслами входит в работу общества, видя в идеях Рериха отзвуки своих размышлений. Именно широта рериховской мысли, актуальность ее и связь с насущными проблемами современного мира особенно были близки Рихарду Яковлевичу. Он становится самым деятельным помощником Феликса Денисовича Лукина, основателя рижского общества, а после его ухода из жизни принял на себя полную ответственность за судьбу общества, за то, что не успел завершить Лукин. Это вскоре заметили и Рерихи, как видно из их писем: «Дорогой сотрудник, спасибо большое за все Ваше участие... Радуюсь, что издательство «Алтаир» на Ваше имя. Пусть это светило из Созвездия Орла всегда ведет Вас теми высокими путями, которые так близки духу Вашему» (из письма Н. К. Рериха к Р. Я. Рудзитису от 10.1.1934 г.) И в другом письме: «Сердечно ценю Ваше близкое сотрудничество» (НК к РЯ, 29.X.1934 г.)

«Теперь Вы видите, что непосредственно с Рерихами Рихарда Яковлевича объединил совместный труд», — заключает Гунта Рихардовна, показывая многочисленные письма, проделавшие путь из Индии в Латвию, с печатями Дели, Афин, Берлина... Письма машинописью, с размашистой строгой

подписью Николая Константиновича и тонкой изящной подписью Елены Ивановны.

Из писем Рудзитиса и из его дневника видно, как постепенно нарастал объем работы, связанной с обществом. За все время существования рижского общества было издано свыше 50 книг. Неизменным издателем, редактором, корректором, а во многих случаях и оформителем книг был Рихард Яковлевич, и это — в свободное от работы время! (Он работал в Государственной библиотеке.) Рерихи радовались сердечному горению и тонкому вкусу Рудзитиса и вскоре полностью доверили ему все дела, связанные с обществом. Издательство приходилось оформлять на частное имя и много раз изменять название: в буржуазной Латвии общественные издательства допускались лишь в крайних случаях. Помогало имя Р. Рудзитиса — поэта, писателя, культурного деятеля.

Рассматриваю книги в белых и синих переплетах с тонким шрифтом, с изящными живописными буквами в заголовках. «Эти титульные листы — работа самого Николая Константиновича, — говорит Гунта Рихардовна. — А вот этот простой льняной холст для обложки большого альбома-монографии Н. К. Рериха, выпущенного в 1939 году, подсказал уже Святослав Николаевич».

Некоторые из книг были переведены на латышский язык самим Рихардом Яковлевичем. Он стал также автором многих статей о Рерихе, о Пакте охраны культурных ценностей, а в 1935 году вышла книга Рудзитиса «Н. Рерих — водитель культуры», явившаяся первой серьезной научной монографией о деятельности Н. К. Рериха в 20–30-е годы. «...На днях получили чудесные главы Вашего труда о Николае Константиновиче на русском языке, а затем подошла и сама книга, — пишет Елена Ивановна Рерих Рудзитису. — Сердечное спасибо за это прекрасное приношение. Сама книга радует глаз... Осознание и чувство красоты такое высокое и редчайшее качество!» (11.VI.1935 г.) Елена Ивановна отмечает в своем письме, что автор монографии уловил самое существенное в облике Н. К. Рериха: «Именно Николай Константинович — «носитель чаши Грааля», или сердечного подвига во имя истины и красоты. Так же точно отмечены Вами его качества — «приветствовать в каждом человеке положительные творческие стремления, утвердить в нем каждую искру света и сберечь и раздуть ее еще ярче». Истинно, «глаз добрый» полагается им в основу его отношений к людям, в стремлении дать всем надежду на преуспевание и радость творчества. Этот глаз сердца позволяет ему охватить всю красоту творчества жизни и претворить ее в той простоте и ясности, чуждой всяких условностей и ограничений, которая отзвучит в чутких сердцах. Его постоянное горение к Прекрасному, к строительству делает творчество его неисчерпаемым в проявлении своем». (ЕИ к РЯ, 11.VI.1935 г.)

По просьбе Рерихов одну главу из книги Рудзитиса издают отдельной книжкой, которая появилась в печати на русском и английском языках («Культура», «Culture») в 1936 году и была потом отослана в Советский Союз, условно называемый в переписке «Швецией». «Спасибо за готовность издать общедоступную книжку «Культура», — пишет Николай Константинович по этому поводу. — Все заветы о культуре необходимо по возможности протолкнуть и в Швец. (СССР). Ведь у них следующая задача — красота жизни. Разве это не чудо?» (НК к РЯ, 12.X.1936 г.)

В 1936 году вышла новая книга Рудзитиса — «Сознание красоты спасет», изданная сразу на двух языках — латышском и русском. Посвящение книги автор адресовал Н. К. Рериху, «чье огненное сердце к величественный зов к несению Чаши Красоты дали незабываемое вдохновение и благословение и моим творческим мечтам о созидании Красоты Будущего». В книге говорится о творении прекрасного в жизни, о мощи красоты, о роли школы в воспитании через красоту, о будущей миссии женщины. «Как ценно, что в Латвии издаются такие чистые идейные книги, и можно лишь пожелать, чтобы она проникла в широкие слои общества, — пишет Рерих Рудзитису. — Пусть книга войдет в школьные библиотеки. Пусть она найдет путь и за границу, пусть и в других странах знают, чем горит дух Латвии. Еще раз спасибо за праздник духа». (НК к РЯ, 12.X.1936 г.)

Подлинной вершиной устремлений поэта к истокам Прекрасного стала его книга «Братство Грааля», вобравшая в себя многочисленные легенды и сказания, которые с древних времен хранятся в сокровенной памяти разных народов. «Не знаю, есть ли еще какая-либо мировая легенда, о которой столько было пережито и передумано, как легенда о «Граале», — пишет Рудзитис на первой странице своей новой книги, — ...Прославление этой легенды выросло в сумеречном восходе средневековья в XII и XIII веках, когда начались крестовые походы против инакомыслящих, и Запад соприкоснулся с Востоком, — именно тогда расцвел чудесный цветок огня мечтаний всех идеалистов, великая красота... Какой же душе, чуткой и музыкальной, не давала мгновений высшего переживания величественная драма Вагнера «Парсифаль»?.. В какой душе появление и воспламенение чаши Грааля не пробудило хоть на миг лучшие пламенные и неисполнимые мечты? Сердце в такие мгновения

чувствует в развитии этой легенды не только взлет фантазии поэта, оно чувствует, что здесь выражаются могучие основы какой-то великой несказуемой истины, но где и что есть эта истина, об этом наш разум молчит...»

Поистине легенды о стране братства и справедливости, о граде Грааля, о Дворе короля Артура, о Шамбале, о Беловодье распространены среди народов всего мира, и сердце латышского поэта не могло не отзвучать на эти прекрасные зовы. Рихард Яковлевич проделал большой труд исследователя, собрав и научно обработав эти легенды. Готовые главы он вновь отсылает на отзыв в Гималаи, Рерихам. В ответ приходит задушевное письмо Елены Ивановны: «Дорогой Рихард Яковлевич, считаю Вас современным бардом великого Грааля, во всей необъемлемости этого понятия. Ученый и поэт — такое совмещение встречается не часто, а у Вас оно налицо, и ученость Ваша именно настоящая. Труд этот явится великим, пламенным, неугасимым светочем. Пишите и ничем не смущайтесь. Конечно, основание книги должно быть заложено на исторических фактах, легендах, сказаниях, песнях и поэтических вымыслах всех стран и народов, эта историчность придаст и так называемую научность труду, но главы о внутреннем, сокровенном значении Братства Грааля от его начала до наших дней могут быть захватывающе интересны». (19.XII.1939 г.)

Книга писалась с большим воодушевлением, тем более что с Гималаев шли вдохновляющие письма, в которых Рерихи делились своими мыслями, вносили поправки, сообщали о дополнительной литературе; помогал и старший сын Рерихов, Юрий Николаевич, как лингвист и знаток Востока. «Считаю, что книга эта не только полезна, но именно необходима, — пишет Елена Ивановна Рерих. — ...Мы доверяем Вашему чутью, Вашему сердцу. Вашему устремлению... Конспект составлен очень продуманно. Читая его, мы радовались ширине охваченных понятий в задуманной работе. Так приступайте смело со всем сердечным горением к печатанию Вашего прекрасного труда».

Книга о светлой мечте человечества, о новой эре братства на земле была закончена в самые тяжелые предвоенные годы, когда над Европой сгустились тучи второй мировой войны. «Все же лучшие сердца человечества верят и ждут не дождутся, вглядываясь в будущее как в чудо. Истинно, быть может это чудо, это воспламенение Чаши Грааля уже теперь незаметно началось, именно в самые драматические часы для человечества, началось в тех чистых самоотверженных сознаниях, которые, помимо угроз хаоса, переживают и осознают тягости мира и их причины и пламенно жаждут помочь ему, желают отдать свои лучшие творческие импульсы своим братьям, всему человечеству. Ведь Чаша Грааля — это человеческое сознание, сердце человеческое, и бесконечно счастливо было бы это сердце, если бы оно было в состоянии воспламениться в огнях чистой любви к человечеству» — таковы заключительные строки этой уникальной маленькой книжки в синем переплете, изданной рижским Обществом Рериха в 1940 году.

Гунта Рихардовна показывает мне небольшой белый флажок с рубиновым кольцом, в центре которого — три соприкасающихся круга.

— Это флаг общества, он стоял на столе во время собраний, — говорит она. — А большое Знамя мира находится в Музее истории Риги и мореходства.

— Знамя мира? — переспрашиваю я.

— Да, Знамя мира. Сам Николай Константинович подчеркивал, что слово «мир» в русской речи означает и мирность и Вселенную. Знамя мира как бы охраняет духовные сокровища всего человечества, охраняет путь к миру, к будущему единству всех достижений науки, искусства и философии, составляющих человеческую культуру. Три соприкасающихся круга на флажке символизируют прошлое, настоящее и будущее, объединенные единым кругом вечности. Защита мира, борьба за утверждение Пакта охраны культурных ценностей были самым главным делом Общества Рериха в Риге — ведь это было главным делом и самих Рерихов. В каждом своем письме они напоминают о единении, о дружелюбии, указывают на «эпидемию разъединения и раздоров», потрясающую весь мир, призывают к единению народов через культуру. «Ведь все вопросы культуры должны быть повсюду освещаемы. Нет такого места на земном шаре, где речь о культуре была бы ненужной. А в самых трудных местах она является особенно неотложной, — пишет Николай Константинович Рудзитису. — Культурный подвиг должен твориться широко — совершенно так же, как Красный Крест, так и наш Красный Крест Культуры на всех языках для всех сознаний должен быть бестрепетно вносим во славу красоты, знания, прогресса». (НК к РЯ, 11. VII. 1936 г.)

Николай Рерих отнюдь не был абстрактным теоретиком. Это подчеркивает и Рихард Рудзитис в своей книге о нем: «В личности Рериха нас особенно привлекает то, что он является не просто

мыслителем-проповедником или мечтателем, — он не провозгласил ни одной идеи, которую невозможно было бы реализовать и для осуществления которой он уже не положил бы первые непоколебимые основы. Он создал множество мощных начинаний, культурных учреждений, которые своим монументальным строением заставляют нас вспомнить великих исторических строителей».

Одним из таких «монументальных строений» явился Пакт Рериха о защите культурных ценностей в мирное и военное время.

— Вот взгляните, — говорит Гунта Рихардовна, показывая стопку толстых папок, — столько было переписки по этому вопросу — и с Горами, и с другими Обществами Рериха; тут же — публикации в прессе, письма и материалы по координации действий с нашими соседями — Литвой и Эстонией. В Литве уже в 1935 году было организовано Общество Рериха, руководимое Юлией Монтевидене, а в Таллине друзьями Рериха был создан специальный Комитет Пакта Рериха... Здесь — списки подписей культурных деятелей Латвии, Литвы. Сколько их! А ведь в то время это требовало известного мужества. Вот — Меморандум Обществ всех трех стран, который был представлен правительствам. Борьба не окончилась и с подписанием Пакта. Даже в самой Америке, якобы утверждающей Пакт Рериха, против него поднялась реакция — за исключение из Пакта имени самого его основателя и зачинателя. «Вообще среди заморян (в США) существует глубокое соревнование о Пакте и потому и в пределах Лиги они всячески нашептывают, лишь бы всемирный Пакт не исходил от лица, национальность которого невыносима. При этом всегда обнаруживается их глубокое невежество», — пишет по этому вопросу Николай Константинович в письме к Рихарду Рудзитису от 21 декабря 1937 года.

Пакт Рериха об охране культурных ценностей был главным вопросом и на Конгрессе Обществ трех прибалтийских стран в октябре 1937 года, посвященном 50-летию деятельности Николая Рериха. В дни Конгресса был торжественно открыт Музей при рижском Обществе Рериха, с отделом искусства Рерихов (55 картин) и отделом прибалтийского и русского искусства. Первые из этих картин были присланы Рерихом в рижское Общество зимой 1932–1933 гг., в дополнение к выставке репродукций. Картинам требовалось помещение, которое и было вскоре приобретено. Много было переписки по поводу размещения картин, их освещения, планировки комнат, по поводу изготовления рамок, которые делались уже здесь, в Риге. Каталог картин с предисловием Рихарда Рудзитиса вышел в 1937 году, потом было выпущено 35 открыток и множество репродукций, которые свободно могли приобрести посетители музея. На выставке дежурил гид. Посетителей всегда было много, и не только из художественных кругов или интеллигенции — много было простонародья, рабочих, приезжих из деревень. Очевидно, посетители связывали Николая Рериха с его советской Родиной. В день открытия среди многих подписей в книге для гостей стоит подпись и представителя ВОКСа».

— Как же складывались отношения с Советским Союзом? — спрашиваю я.

— Тут было много сложностей, — говорит Гунта Рихардовна. Белоэмигрантские круги злобно отвернулись, отказавшись печатать работы Н. Рериха на страницах своих изданий, а ежегодная перерегистрация общества, навязанная буржуазным правительством Латвии, оборачивалась настоящим «боевым мероприятием» — столько находчивости и энергии она требовала. Об отце в политуправлении писали так: «Политически неблагонадежен; настроен пробольшевистски, ориентируется на Советский Союз».

Интерес к «Новой Стране» — так Рерих называл в своих письмах в Латвию Советский Союз, — был велик. Старались понять идущее там строительство, ловили каждое слово «оттуда». Член правления общества Екатерина Драудзинь принадлежала к социал-демократической рабочей партии и была участницей революции 1905 года; членом Компартии Латвии с 30-х годов был Иван Блюменталь, также состоявший в правлении общества. Члены общества разделяли патриотизм Рерихов, их приверженность к новой Советской России.

Рерихам трудно было поддерживать связь с Советским Союзом из колониальной Индии, и в этом им помогали рижане и эстонцы. Через Ригу осуществлялась пересылка писем в Советскую Россию — архитекторам А. Щусеву, И. Грабарю; посылались семена морозоустойчивых злаков высокогорья для академика Н. И. Вавилова и его института; пересылались издания Гималайского института «Урусвати», основанного Рерихами в Индии, в долине Кулу.

В конце 30-х годов, когда в Риге обосновался отдел ВОКСа, поддерживать связи с Советским Союзом стало легче. Товарищи из ВОКСа и Советского представительства бывали в музее Рериха, на лекциях и вечерах, посвященных русскому искусству. Летом 1939 года в помещении общества

состоялась выставка советской детской книги и рисунка — книги были подарены потом библиотеке общества. В том же году на выставку латышской книги в Москве были посланы и книги, изданные рижским Обществом Рериха.

В эти же годы Рудзитис с друзьями «замахнулись» на периодическое издание «Мысль», однако в 1939 году успевают выйти только первый номер толстого журнала — его конфискуют. Очевидно, «криминалом» посчитали статью Н. Рериха «Друзьям художникам», повествующую об успехе советского искусства за рубежом, а также статьи о Дворце Советов, советской архитектуре, о сельскохозяйственной выставке в Москве. Но энтузиасты из общества не сдались. В скором времени вышел второй номер журнала под названием «Литературные записки», который конфисковать уже не успевают: летом 1940 года в Латвии восстанавливается Советская власть. Главный печатный орган — газета «Последние известия» («Яунакас Зиняс») печатает на первой странице статью Н. Рериха как привет новой жизни. В борьбе за восстановление Советской власти в Латвии активно участвовали члены Общества Рериха. Секретарь общества, врач Гаральд Лукин, сын Ф. Д. Лукина — основателя общества, стал главным редактором ведущей газеты «Последние известия», И. Блюменталь — главным редактором «Русской газеты», выходящей на русском языке. Во время выборов народного Сейма в 1940 году общество было среди сторонников единого Блока трудового народа, и Г. Лукин стал депутатом нового Сейма, провозгласившего 21 июля 1940 года Советскую Латвию. Начиная с 1938 года Рерихи прилагали усилия к возвращению на родину; непосредственный переезд из колониальной Индии в СССР был бы очень сложен, и они хотели переехать сначала в Латвию, с тем чтобы потом возвратиться в Советскую Россию. Этим планам помешала тогда осуществиться начавшаяся вторая мировая война.

— А как пережил Рудзитис оккупацию Латвии? — спрашиваю я.

— Ему и его друзьям Лукину и Блюменталю грозила расправа, и они скрывались, — рассказывает Гунта Рихардовна. — Оккупационные власти собирались увезти в Германию художественные ценности, в том числе и картины Рериха, которые после восстановления в Латвии Советской власти были переданы из Музея Рериха в Государственный музей в Риге. Трудно описать, сколько сложностей и опасностей пришлось преодолеть отцу, спасая полотна Рериха. Ему удалось забрать картины из музея и спрятать на квартире одного из членов общества. Теперь эти полотна — гордость Латвии.

— Ну а как развивались события после войны?

— Послевоенные годы тоже были нелегкими. Но вот радость! В 1956 году в Государственном художественном музее в Риге выставляются картины Рериха! В том же году мы получаем из Индии радостную весть о возвращении на Родину старшего сына Николая Константиновича, известного ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха. Столько лет ожиданий, и наконец встреча с Родиной. Этой встречи не дождался ни Рерих-отец, ушедший из жизни в декабре 1947 года, ни Елена Ивановна, ушедшая в 1955 году. Картины, поделенные между сыновьями, должны были вернуться на родину вместе с ними.

Солнечный август 1957 года. Светлая, нарядная, звонкая Москва празднует Всемирный фестиваль молодежи и студентов. А быть может, она празднует и возвращение на Родину Юрия Рериха?.. Исполняя волю отца, он передает в дар Советской стране 400 картин, трехтомную работу из 999 очерков «Моя жизнь», материалы научно-исследовательского института «Урусвати».

Незабываема встреча Рихарда Яковлевича Рудзитиса с Юрием Николаевичем... И сколько было еще таких встреч, длинных душевных разговоров и коротких деловых писем... Ведь все еще только начиналось здесь, на Родине. Столько дел впереди! Нужно осуществить издание и переиздание на русском языке работ самого Юрия Николаевича; организовать выставки картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича; помочь организации мемориального музея Н. К. Рериха в Ленинграде, на набережной Мойки, 83, где когда-то (с 1906 по 1918 год) жил и работал директор и преподаватель Школы Общества поощрения художеств, академик Николай Рерих, где бегали через дорогу в гимназию Юрий и Святослав и где столько напоминает о былом!... 12 апреля 1958 года в Москве открылась выставка картин Николая Рериха — более 400 полотен, принесенных в дар советскому народу, согласно завещанию художника. Выставка прошла с громадным успехом, люди стояли по 4–5 часов в очереди, заранее записывались на выставку. «Это искусство — огонь сердца», «Звезда брошена в сердце России», «Это — родник орошающий, да. Красота спасет мир!» — много подобных записей оставили благодарные посетители в книгах отзывов выставочного зала на

Кузнецком мосту в Москве.

Спустя два года, весной 1960-го, в Москву приезжает из Индии Святослав Николаевич Рерих с выставкой своих картин, которая также проходит с огромным успехом. Оба брата, встретившись на родине, окунулись в кипучую жизнь столицы, и... 21 мая 1960 года сердце старшего брата не выдержало — Юрий Николаевич Рерих ушел из жизни.

Всего лишь на полгода переживает его Рихард Яковлевич Рудзитис — быть может, и сердце поэта не вынесло разлуки?.. Но до самых последних дней не оставляет он работы — пишет труд, доверенный ему Рерихами через Юрия Николаевича. Еще в 30-е годы, познакомившись с первой работой Рудзитиса о Н. Рерихе, Елена Ивановна Рерих написала ему; «Дорого мне, что Вы ярко подчеркнули универсальность личности Николая Константиновича и ввели творчество его в ритм Космического строительства». (11.VI.35 г.) И теперь поэт поставил себе задачу написать о космических аспектах творчества Николая Рериха.

«Всё лишь начало, нет пределов.
Иду я — ширятся границы.
Мир вечной суетой пылится...
Достигнутое — лишь крупницы».

Так, в 1960 году была написана книга «Космические струны в творчестве Рериха» — последний труд Рихарда Рудзитиса, «задушевно истинного поэта».

...Рига удивительно зеленый город, вот и стены Государственного музея утопают в тени деревьев парка Коммунаров. Здесь, в старинном здании, хранится редчайшее собрание картин Николая Константиновича Рериха и его сына Святослава Николаевича. «Эти полотна добирались до Латвии с далеких Гималаев почти всеми возможными видами транспорта», — говорит заведующая отделом русского искусства Мара Маркевич.

Входишь в зал, и остаются позади, за какой-то невидимой чертой гул городского транспорта, спешащие по тротуарам люди... Нас окружает сияющий мир горных вершин. По скалистому снежному ущелью, вдоль бурного горного потока, чудом сохраняя равновесие, движется путник (картина «Путь»). Над прекрасной долиной древнего царства Кулута возвышается изваяние легендарного героя Гуга Чохана («Кулута»), Среди безбрежной лазури льдов сидит сын гор, и от мощи его мысли тают снега («На вершинах»). Прикоснувшись к простору Вселенной, в полночном мерцании звезд высятся стены древнего монастыря («Твердыня Тибета»), Нежная женщина опускает с каменной стены свой прозрачный хатык, чтобы по нему поднялись к свету люди («Мадонна Лаборис»).

«Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам... — писал Н. К. Рерих в статье «Привет нашим обществам культуры». — Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве... Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве... и будем помнить еще раз, что над всеми нами одно единое, нерушимое знамя Культуры, ведущее в светлое будущее».

Рига — Москва, 1983 г.

В серии «Библиотека «Огонек» в 1984 г. вышли следующие книги:

1. С. ВАСИЛЬЕВ. Россия. *Стихи.*
2. А. АЛЕКСИН. Ночь перед свадьбой. *Повесть и рассказы.*
3. А. ГОВОРОВ. Свидание. *Стихи.*
4. Б. ПРИВАЛОВ. Необычайные приключения хорошо сшитого костюма.
5. В. ДЕСЯТЕРИК. Обращаясь к Ленинской мысли.
6. Е. ВИНОКУРОВ. Космогония. *Стихи.*
7. А. ИВАНОВ. Повесть о несбывшейся любви.
8. А. АЛЬ-ХАМИСИ. Любимая! Когда б они смогли... *Поэмы.*
9. С. ШЕРИПОВ. Волшебная дорога.

10. С. ПОДЕЛКОВ. Ожидание журавлей. *Стихи.*
11. В. ЛАЗАРЕВ. Уроки Василия Жуковского. *Очерки.*
12. Я. МАКАРЕНКО. Высшая проба. *Очерки.*
13. М. КОЛОСОВ. Костер. *Рассказы.*
14. Б. МАРБАНОВ. Шакалы в стае волков.
15. К. БАРЫКИН. Монолог некапризного покупателя.
16. Л. ЛЕНЧ. Она была красивая женщина. *Повесть и рассказы.*
17. Н. СКАТОВ. Русский гений.
18. С. ВИШНЕВСКИЙ. Сенокос. *Стихи. Перевод с марийского.*
19. И. ШТОК. В небе моей юности. *Рассказы драматурга.*
20. М. ШЕВЧЕНКО. Дорога через руины. *Повесть.*
21. В. ПОВОЛЯЕВ. А вы встречались в жизни чудаки? *Рассказы.*
22. ТУРАБ ТУЛА. Слово старого чинара. *Стихи. Перевод с узбекского.*
23. Ю. КАРЯКИН. Достоевский.
24. Э. РАНДРИАМАМУНДЗИ. Утро придет. *Перевод с малагасийского.*
25. Н. РОДИЧЕВ. Городищенский парень. *Рассказы.*
26. В. МАРЬЯНОВСКИЙ. Романс для буренки. *Юмористические рассказы.*
27. Г. РАМАЗАНОВ. Покоя нет.
28. А. ЛИХАНОВ. Нежеланные, или мать чужих детей.
29. Л. ШИКИНА. Истоки. *Стихи.*
30. В. КОЧЕТОВ. Памятник другу. *Рассказы.*
31. В. НИКОЛАЕВ. Американские парадоксы. *Очерки.*
32. И. МЕСХИ. Проблемы, проблемы!..
33. А. КРИВИЦКИЙ. Злоба дня и вечность.
34. Ю. ГРИБОВ. Бредень в мелкую ячейку. *Повесть и очерки.*
35. М. БЕЛЯЕВ. Бронник древних ливен. *Стихи.*
36. А. ПАРПАРА. Раздумье о Родине. *Стихи.*

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 44

Татьяна КАЛУГИНА
ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Татьяна КАЛУГИНА

Татьяна Львовна Калугина (Шевелёва) родилась в 1942 году в Москве. Окончила Московский энергетический институт, работала инженером, получила музыкальное образование. С 1978 года начала выступать в печати по проблемам культурного строительства (газеты «Советская культура», «Советская Россия», «Правда», «Литературная газета», «Алтайская правда», «Звезда Алтая» и др., журналы «Огонек», «Отчизна», «Прага — Москва», «Неман», «Семья и школа», «Сельская молодежь», «Клуб» и др.).

На протяжении многих лет Т. Калугина изучает творческое наследие семьи Рерихов, долгое

время сотрудничала с биографом Рерихов Павлом Федоровичем Беликовым (1911–1982 гг.), неоднократно встречалась с известным современным художником Святославом Николаевичем Рерихом. В качестве журналистки она побывала во многих местах нашей страны, связанных с жизнью и деятельностью Рерихов, в том числе совершила несколько путешествий по Горному Алтаю, где проходила их знаменитая Центрально-Азиатская экспедиция.

В книгу «Пути восхождения» вошли интервью, очерки, статьи Т. Калугиной, посвященные культурному наследию Рерихов, а также тому, как претворяются в нашей сегодняшней жизни заветы выдающегося деятеля культуры XX века, великого русского художника Николая Константиновича Рериха.

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек». 1984

**Татьяна Львовна КАЛУГИНА
ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ**

**Редактор М. М. Жигалова
Технический редактор О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 21.05.84. Подписано к печати 20.09.84. А 10329. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,88. Усл. кр. — отг. 2, 98. Тираж 91 000. Изд. № 1970. За к. № 2810. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп. Индекс 70668